

Любовь ЛУКИНА
Евгений ЛУКИН

РАЗНЫЕ СРЕДИ РАЗНЫХ

Фантастическая повесть

ГЛАВА I

Все, что требовалось от новичка, — это слегка подтолкнуть уголок. Стальная плита сама развернулась бы на роликах и пришла под нож необрезанной кромкой. Вместо этого он что было силы уперся в плиту ключом и погнал ее с перепугу куда-то в сторону Астрахани.

На глазах у остолбеневшей бригады металл доехал до последнего ряда роликов, накренился и тяжело ухнул на бетонный пол. Наше счастье, что перед курилкой тогда никого не оказалось.

Первым делом мы с Валеркой кинулись к новичку. Оно и понятно: Валерка — бригадир, я — первый резчик.

— Цел?

Новичок был цел, только очень бледен. Он с ужасом смотрел под ноги, на лежащую в проходе плиту, и губы его дрожали.

А потом мы услышали хохот. Случая не было, чтобы какое-нибудь происшествие в цехе обошлось без подкранового Аркашки.

— Люська! — в восторге вопил подкрановый. — Ехай сюда! Гля, что эти чудки учудили! Гля, куда они лист сбросили!

Приехал мостовой кран, из кабины, как кукушка, высунулась горбоносая Люська и тоже залилась смехом.

Илья Жихарев, по прозвищу Сталевар, неторопливо повернулся к Аркашке и что-то ему, видно, сказал, потому что хохотать тот сразу прекратил. Сам виноват. Разве можно смеяться над Сталеваром! Сталевар словом рельсы гнет.

С помощью Люськиного крана мы вернули металл на ролики и тут только обратили внимание, что новичок все еще стоит и трясется.

Мы сунули ему в руки чайник и послали от греха подальше за газировкой.

— Минька, — обреченно сказал Валера, глядя ему вслед. — А ведь он нас с тобой посадит. Он или искалечит кого-нибудь, или сам искалечится.

— А может, у него высшее образование? — сочувственно про-
басил Вася-штапгист.

— Брось! — сказал Валера. — Высшее образование! Двух слов связать не может!

Впятером мы добились по-быстрому последние листы пакета и, отсадив металл, в самом дурном настроении присели на скамью в курилке.

— Опять забыл! — встрепенулся Сталевар. — Как его зовут?

— Да Гриша его зовут, Гриша!..

— Гриша... — Сталевар покивал. — Григорий, значит... Так, может, нам Григория как-нибудь на шестой пресс, а? У них вроде тоже человека нет...

— Не возьмут, — вконец расстроюсь, сказал бригадир. — Аркашка уже всему цеху раззвонил. И Люська видела...

Старый Петр сидел прямой как гвоздь и недовольно жевал губами.

— Вы это не то... — строго сказал он. — Не так вы... Его учить надо. Все начинали. Ты, Валерка, при мне начинал, и ты, Минька, тоже...

В конце пролета показался Гриша с чайником. Ничего, красивый парень, видный. Лицо у Гриши открытое, смуглое, глаза темные, чуть раскосые, нос орлиный. Налитый всклень чайник несет бережно, с чувством высокой ответственности.

— А как его фамилия? — спросил я Валерку.

Тот вздохнул.

— Прахов... Гриша Прахов.

— Тю-тельки-матюгельки! — сказал Сталевар. — А я думал, он нерусский...

Красивый Гриша Прахов остановился перед скамьей и, опасно глядя на бригадира, отдал ему чайник.

— Ты, мил человек, — сухо проговорил Старый Петр, — физическим трудом-то хоть занимался когда?

Темные глаза испуганно метнулись вправо, влево, словно соображал Гриша, в какую сторону ему от нас бежать.

— Физическим?.. Не занимался...

— Я вот и смотрю... — проворчал Старый Петр и умолк до конца смены.

— Гриш, — дружелюбно прогудел Вася-штангист. — А ты какой институт кончал?

— Институт?.. Аттестат... Десять классов...

Сталевар уставил на него круглые желтые глаза и озадаченно поскреб за ухом.

— Учиться — не учился, работать — не работал... А что ж ты тогда делаешь?

И мне снова почудилось, что Гриша сейчас кинется от нас бежать — сломя голову, не разбирая дороги...

Но тут над нами, урча, проехал мостовой кран.

— Эй! — пронзительно крикнула Люська и, свесившись из окна кабины, постучала себя ногтями по зубам.

Валерка встал.

— За нержавеющейкой поехала, — озабоченно сказал он. — Пошли, Григорий, металл привезем...

Он сделал два шага вслед за Люськиным краном, потом остановился и, опомнясь, посмотрел на Григория. Снизу вверх.

— Или нет, — поспешно добавил он. — Ты лучше здесь посиди, отдохни... Вася, пойдем — поможем.

Ни на приказ бригадира, ни на отмену приказа Гриша Прахов внимания не обратил. Он глядел в конец пролета, куда уехала Люська. Потом повернулся к нам, и видно было, что крановщица наша чем-то его потрясла.

— А что это означает? — спросил он и постучал себя ногтями по ровным белым зубам.

— Нержавейка, — сказал я.

— А почему...

— А потому что из нее зубы делают.

— А-а... — сказал он и снова уставился в конец пролета, где прыгали по стенам и опорам красные блики с прокатного стана.

Отработали. Пошли мыться. Выйдя из душевой, в узком проходе между двумя рядами шкафчиков я снова увидел Гришу Прахова. Оказалось — соседи. Вот так — мой шкафчик, а так — его.

— Ну и как тебе, Гриша, у нас?

И знаете, что мне на это ответил Гриша Прахов? Он как-то странно посмотрел на меня и тихо проговорил:

— Какие вы все разные...

И больше я ему вопросов не задавал. Ну его к черту с такими ответами!

Да и торопился я тогда, хотел забежать в универмаг к Ирине — договориться, что делаем вечером. Быстро одевшись, я закрыл шкафчик, но взглянул на Гришу и остановился.

Гриша Прахов надевал просторную, застиранную почти до потери цвета... Нет, не рубаху. Я не знаю, как это называется. То, что он в конце концов надел, не имело воротника и завязывалось под горлом двумя тесемками. На самом видном месте, то есть на пузе, мрачно чернел прямоугольный штамп. Кажется, больничный.

Затем Гриша погрузился в штаны. Штаны эти, наверное, не одна канава жевала. Они были коротки и все норовили упасть, пока Гриша не перетянул их по талии веревочкой, сразу став неестественно широкобедрым.

Пиджак был тесен и сгодился бы разве что для протирки деталей. Напялив его, Гриша выдохнул и с хрустом застегнул единственную расколотую пополам пуговицу.

Снова полез в шкафчик и достал оттуда... ну, скажем, обувь. Оба каблука были стоптаны, как срезаны, причем наискосок — от внутренней стороны стопы к внешней.

Надев эти отопки прямо на босу ногу, Гриша закрыл шкафчик и тут только заметил, что я на него смотрю.

— Так я пойду? — встревоженно сказал он.

Я кивнул.

Рискуя вывихнуть себе обе ступни, Гриша Прахов неловко развернулся в узком проходе и, нетвердо ступая, направился к выходу между двумя рядами шкафчиков.

Опомнясь, я поспешил за ним. Пересменка кончилась, и в

раздевалке уже никого не было. Только у входа в душевую стоял голый Сталевар с полотенцем через плечо. Вытаращив желтые глаза и отвесив челюсть, он смотрел на дверь, за которой, надо полагать, только что скрылся Гриша Прахов.

ГЛАВА 2

Пройдя через стеклянный кубик проходной, я увидел Люську. Куртейка на ней — импортная, джинсы — в медных бляхах, на скулах — чахоточный румянец по последней моде. Не иначе жениха поджидает.

— Ты что же это передовиков обхохатываешь? — грозно сказал я. — Смотри! Еще раз услышу — премии лишу.

Люська запрокинула голову и рассмеялась.

— Ой! Передовики! Видели мы, как вы листы роняете.

Выпрямить ей нос — цены бы девке не было. А уж если еще и норов укоротить!..

— И новичка от работы отвлекаешь! — добавил я сурово. — Он и так ничего не сообщает, а тут еще ты со своим крапом...

Вместо ответа Люська изумленно округлила глаза. Это мне очень напомнило недавний взгляд Сталеvara, и я обернулся.

Вдоль заводской Доски почета, рассеянно посматривая на портреты передовиков, ковылял на подворачивающихся каблучках Гриша Прахов. С ума сошел! Через первую проходную — в таком виде!

— Ой!.. — потрясенно выдохнула Люська. — Что это на нем?..

— Погоди ты, — цыкнул я на нее. — Не мешай!..

Гриша Прахов как раз проходил мимо моего портрета. Покопался равнодушно и не узнал. Да и немудрено. Я сам себя на этой фотографии узнать не мог.

Дальше был портрет Люськи. Гриша вздрогнул и медленно повернулся к стенду лицом.

— Все, — сказал я. — Готов. По-моему, тебя, Люшенька, увольнять пора.

Люська заморгала и уже открыла рот, чтобы отбрить меня как следует, когда над ухом раздался знакомый ленивый голос:

— Это кто ж тут у меня девушку отбивает?

Сверкающая улыбка, а над ней радужные фирменные очки в пол-лица. Валька Бехтерь с Нижнего поселка. Ну-ну... Люське, конечно, видней.

— Отчего ж не отбить? — говорю. — День-то какой!

Улыбается Валька Бехтерь. Весело улыбается. Широко.

— Да, — говорит. — Ничего денек. Солнечный!..

Что-то мне в его голосе не понравилось, и, зная про наши с Бехтерем отношения, Люська быстренько подхватила его под руку.

— Ну ладно, Миньк! Привет!

— Привет-привет, — говорю. — До встречи, Люшенька.

Бехтерь при этих моих словах, естественно, дернулся, но она уже буксировала его в сторону троллейбусного кольца... Пра-

вильно он делает, что очки носит. А то разнбой получается: улыбка наглая, а глаза трусливые.

Тут я вспомнил про Гришу Прахова и обернулся. Перед Доской почета было пусто. Уковылял уже...

Весна, помню, стояла какая-то ненормально ранняя — середина апреля, а тепло, как в мае. До универсага я решил пройти пешком, через сквер. Деревья, конечно, еще голые, ясно белеет сквозь ветки кирпичная заводская стена... А сейчас из-за поворота покажется моя скамейка. Краски на ней уже, наверное, слоев семь, а надпись все читается: «НАТАША». Сразу видно: от души человек резал, крупно и глубоко. Это я — когда в армию уходил. Целую ночь мы с Наташкой на этой скамейке просидели... Там еще дальше было «Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ», но теперь уже все состругано. Это когда я из армии вернулся и узнал, что Наташка месяц назад замуж вышла...

Я миновал поворот и увидел, что на моей скамейке, опустив голову, сидит какая-то женщина, а рядом играет малыш в комбинезончике. Капюшон ее плаща был откинут. Светлые волосы, капризные детские губы...

На скамейке сидела Наташка.

Не дожидаясь, пока она повернет голову в мою сторону, я перескочил через черные нестриженные кусты и беглым шагом пересек газон у нее за спиной.

Я вот почему так подробно об этом рассказываю: не задай я тогда стрекача — и не было бы всей этой истории. Или была бы, но не со мной. Завтра утром Валерка сплавил бы Григория на шестой пресс, а послезавтра я бы о новичке и думать забыл.

...Очутившись в соседней аллее, долго не мог отдышаться. От злости. Нет, ну в самом деле! Кто кого бояться должен? Можно подумать, это не она замуж вышла, можно подумать, это я жену из армии привез!

Вот тут-то мне и попался под горячую руку Гриша Прахов. Задумчиво глядя себе под ноги, это чудо в перьях брело по соседней дорожке.

— Гриша!

Он оглянулся с испуганно-вежливой улыбкой.

— А ну-ка иди сюда!

Он узнал меня и, просяив, шагнул навстречу. Остановился. Беспомощно озираясь, потоптался на краешке асфальта.

— Иди-иди, не провалишься, — зловеще подбодрил я его.

Между нами был газон. Голый газон, покрытый влажным черно-ржавым пластом прошлогодней листвы.

— Ну! — уже раздраженно сказал я.

Гриша повернулся и торопливо заковылял к выходу из сквера.

— Ты куда?

Гриша остановился и неуверенно махнул рукой.

— Ты что, ненормальный? Перейди по газону!

Перебежал. Но чего ему это стоило! На лбу — испарина, дыхание — как у щенка, глаза косят то вправо, то влево.

— Ты чего?

— Так ведь запрещено же, — преступным шепотом ответил мне Гриша Прахов.

Взял я его, родимого, за расколотую пуговицу, подтянул к себе и говорю:

— Ты что ж, сукин сын, рабочий класс позоришь! Денег нет прилично одеться? Это что на тебе за тряпье такое!..

И равномерно его при этом встряхиваю — для убедительности. На слове «тряпье» не рассчитал, встряхнул чуть сильнее, и половина пуговицы осталась у меня в пальцах. Теряя равновесие, Гриша взмахнул руками, пиджак с треском распахнулся, и я снова увидел черный больничный штамп.

— Как из мусорки вылез! — прошипел я. — В чем дело?

Трясущимися пальцами Гриша пытался застегнуть пиджак на оставшуюся половину пуговицы.

— Приезжий, что ли?

— Приезжий...

— У тебя здесь родственники?

— У меня нет родственников...

— Подкидыш, что ли?

Гриша посмотрел на меня с опаской.

— Пожалуй... — осторожно согласился он.

И пока я пытался сообразить, что это он мне сейчас такое ответил, Гриша Прахов отважился задать вопрос сам:

— Минька, а ты... Ты не мог бы мне объяснить: если кого-нибудь второй раз заметят, что он ночует на вокзале, — что ему тогда будет?

— А кто ночует на вокзале?

Гриша замялся.

— Это неважно. Ну, скажем... я.

— А почему ты ночуешь на вокзале? Почему не в общежитии?

— Н-ну... Так вышло...

— Как вышло? — заорал я. — Что значит — вышло? Ты приезжий! Тебе положено общежитие! Положено, понимаешь?

— Я понимаю... Но мне сказали...

— Кто сказал? А ну пойдём покажешь, кто там тебе что сказал!

Ухватил я его за рукав и поволок к выходу из сквера. Ох, думаю, и выпишу я сейчас чертей этим конторским! За все сразу!

— Кто тебя на работу принимал? Жирный такой, головенка маленькая — этот? Ну, я с ним потолкую!.. Ты уже сколько там ночуешь? А, ч-черт!

Я резко остановился, Гришу занесло, и мне пришлось его поддержать.

— Куда же мы с тобой идем — сегодня суббота!.. Вот проклятье! Ну-ка, вспомни точно, как вы с ним говорили — с этим, из отдела кадров.

— Он предупредил меня, что с общежитием трудно, — сказал Гриша. — И спросил, не могу ли я подождать...

— Ну! А ты?

— Я сказал, что могу, — уныло признался Гриша.

— Ладно... — вздохнул я. — Пошли.
— Куда?
— Куда-куда... — расстроено сказал я. — Ко мне! А с общезжитием утрясем в понедельник.

ГЛАВА 3

На проспекте Metallургов нас чуть было не накрыл дождь, и мы с Гришей нырнули в кафе «Витязь».

Культурно, уютно, и никаких тебе спиртных напитков. С потолка на цепях свешивается что-то вроде средневековых светильников из жести, а на торцовой стене богатырь на тонконогом, как журавль, коне рубится со Змеем Горынычем, аж розовое пламя из трех пастей в косы заплетается.

Посадил я Гришу в уголке спиной к помещению, чтобы не смущать народ тесемочным бантиком, а сам направился к стойке.

— Миньк! — шепнула мне щекастая белокудрая Тамара. — Кого это ты привел?

— А это наш новый резчик, — небрежно сказал я. — Нравится?

— Ну и резчики у вас! — Тамара затрясла обесцвеченными кудрями. — Как бы он чего с собой не пронес...

Она соорудила два коктейля, и я вернулся к столику.

— Я не пью, — встревоженно предупредил меня Гриша.

«Оно по тебе и видно», — подумал я, подавая ему хрупкий высокий стакан, наполненный слоистой смесью. Гриша принял его с обреченным видом.

— Да ты, я смотрю, тоже левша?

Гриша растерянно устоял на свою левую руку.

— Я нечаянно, — сказал он и переложил стакан в правую.

Я удивился. А Гриша вынул из стакана соломинку, побледнел, выдохнул и, зажмурясь, хватил коктейль залпом. Потом осторожно открыл глаза и с минуту сидел, прислушиваясь к ощущениям.

Все это мне очень не понравилось.

— А ну-ка, давай честно, Гриша, — сказал я. — Пьешь много?

— Спиртных напитков?

— Да, спиртных.

— Вот... в первый раз... — сказал он и предъявил мне пустой стакан.

Я решил, что он так шутит. Я тогда еще не знал, что этот человек вообще не умеет шутить.

А Гриша тем временем порозовел, оттаял и принялся с интересом озираться по сторонам: на людей, на Змея Горыныча, на цепные светильники эти...

— Правильно я сделал, что приехал сюда, — сообщил он вдруг.

По лицу его бродила смутная блаженная улыбка.

— И чего я боялся! — со смешком сказал он чуть погодя.

— Боялся? — не понял я. — Кого?

— Вас, — все с той же странной улыбкой ответил Гриша.

Заподозрив неладное, я быстро заглянул под стол. Бутылки под столом не было.

— Почему ты ведешь меня к себе? — вырвалось вдруг у него.

— А тебе что, на вокзале понравилось?

Гриша опечалился и повесил голову. Видно было, что к своим черным блестящим волосам он после душа не прикасался.

— Нет, — сказал он. — На вокзале мне не понравилось...

Он вдруг принялся мотать головой и мотал ею довольно долго. Потом поднял на меня глаза, и я оторопел. Гриша Прахов плакал.

— Минька!.. — сказал он. — Я особо опасный преступник...

Я чуть не пролил коктейль себе на брюки.

— Что?

— Особо опасный преступник... — повторил Гриша.

Я огляделся. Нет, слава богу, никто вроде не услышал.

— Погоди-погоди... — У меня даже голос сел. — То есть как — особо опасный? Ты что же... сбежал откуда-нибудь?

— Сбежал... — подтвердил Гриша, утираясь своим антисанитарным рукавом.

Я посмотрел на его пиджак, на тесемочный бантик под горлом и вдруг понял, что Гриша говорит правду.

— А паспорт? Как же тебя на работу приняли без паспорта? Или он у тебя... поддельный?

— Паспорт у меня настоящий, — с болью в голосе сказал Гриша. — Только он не мой. Я его украл.

Нервы мои не выдержали, и, выхватив из коктейля соломинку я залпом осушил свой стакан.

— А ну вставай! — приказал я. — Вставай, пошли отсюда!

И, испепеляемые взглядом Тамары, мы покинули помещение. Завел я Гришу в какой-то двор, посадил на скамеечку.

— А теперь рассказывай, — говорю. — Все рассказывай. Что ты там натворил?

Плакать Гриша перестал, но, видно, истерика в «Витязе» отняла у него последние силы. Он сидел передо мной на скамеечке, опустив плечи, и горестно поклевывал своим орлиным носом.

— Закон нарушил... — вяло отозвался он.

— «Свистка не слушала, закон нарушила...» — процедил я. — Ну а какой именно закон?

— Закон? — бессмысленно повторил Гриша. — Закон...

— Да, закон!

— Это очень страшный закон... — сообщил Гриша.

— Как дам сейчас в торец! — еле сдерживаясь, пообещал я. — Мигом в себя придешь!

Гриша поднял на меня медленно проясняющиеся глаза. Голову он держал нетвердо.

— Закон о нераспространении личности... — торжественно, даже с какой-то идиотской гордостью проговорил Гриша Прахов и снова уронил голову на грудь.

Некоторое время я моргал. Закон — понимаю. О нераспространении — понимаю. Личности — тоже вполне понятно. А вот все вместе...

— Пойдешь завтра в милицию, — сказал я, — и все там расскажешь, ясно?

Язык у Гриши заплетался, и следующую фразу он одолел лишь с третьего захода.

— При чем тут милиция? — спросил он.

— Ну если ты закон нарушил!

— Не нарушал я ваших законов! — в отчаянии сказал Гриша. — Свои — нарушал. Ваши — нет.

У меня чуть сердце не остановилось.

— Какие свои? Гриша!.. Да ты... откуда вообще?

— Из другого мира я, Минька, — признался наконец Гриша Прахов.

Я почувствовал, что ноги меня не держат, и присел рядом с ним на скамеечку.

— Из-за рubeжа? — как-то по-бабьи привизгнув, спросил я.

— Дальше...

Я наморщил лоб, потряс головой и все равно ничего не понял.

— Как дальше?

— Дальше, чем из-за рubeжа... — еле ворочая языком, объяснил Гриша Прахов. — С другой планеты, понимаешь?..

В калитку я его внес на горбу, как мешок с картошкой.

Из-за сарайчика, грозно рывкнув, вылетел Мухтар. Узнал меня, псина, заюлил, хвостом забил. А потом вдруг попятился, вздыбил шерсть на загривке и завыл, да так, что у меня у самого волосы на затылке зашевелились.

Дернул я плечом — висит Гриша, признаков жизни не подает. Прислонил его к забору, давай трясти.

— Гриш, ты что, Гриш?..

Гриша слабо застонал и приоткрыл один глаз. Слава богу!..

— А ну пошел отсюда! — закричал я на Мухтара. — Иди в будку! Дурак лохматый!..

В будку Мухтар не пошел и с угрожающим ворчанием проводил нас до двери, заходя то справа, то слева и прилаживаясь цапнуть Гришу за скошенный каблук. У самого крыльца это ему почти удалось, но в последний момент Мухтар почему-то отпрыгнул и снова завыл.

Злой на себя и на Гришу, я втащил его в прихожую и закрыл дверь. В комнате осеклась швейная машинка.

— Минька, ты? — спросила мать. — А что это Мухтарка выль?

— Да кто ж его знает! — с досадой ответил я. — Тут, мать, видишь, какое дело... Не один я.

По дому словно сквозняк прошел: хлопнула дверца шифоньера, что-то зашуршало, портьеру размело в стороны, и мать при параде — то есть в наспех накинутой шали — возникла в прихожей. На лице — радушие, в глазах — любопытство. Думала, я Ирину привел — знакомиться.

— А-а... — приветливо завела она и замолчала.

Гриша сидел на табуретке, прислоненный к стеночке, и мученически улыбался, прикрыв глаза. И до того все это глупо вышло, что я не выдержал и засмеялся.

— Вот, мать, нового квартиранта тебе нашел..

— Ты кого в дом привел? — опомнясь, закричала она.

— Да погоди ты, мать, — заторопился я. — Понимаешь, дня на два, не больше... Ну, переночевать парню негде!

— Как негде? — Маленькая, кругленькая, она куталась в шаль, как от холода, сверкая глазами то на меня, то на Гришу. — Санитарный день, что ли, в вытрезвителе? Да что ж это за напасть такая! То кутенка подберет хромого, то алкаша!..

— Да с горя он, мать! — закричал я. — Ну, несчастье у человека, понимаешь? Жена из дому выгнала!

Что-то дрогнуло в лице матери.

— Прямо вот так и выгнала? — с подозрением спросила она.

— В чем был! — истово подтвердил я. — В чем квартиру ремонтировал — в том и выгнала!

— Так надо в суд подать, на раздел, — все еще недоверчиво сказала мать.

— И я ему то же самое говорю! А он, дурак, хочет, чтобы как мужчина — все ей оставить!..

— Вот мерзавка! — негромко, но с чувством сказала мать, приглядываясь к Грише. Выражение лица ее постепенно менялось. — И что ж вам так с женами-то не везет, а?.. И парень, видать, неплохой...

— В нашей бригаде работает, — вставил я. — В понедельник мы с Валеркой Чернопятовым попробуем ему общежитие выбить...

— Ох, дети-дети, куда вас дети?.. — вздохнула она и пошла в комнаты, снимая на ходу с плеч непригодившуюся парадную шаль. — Ладно, постелю ему...

Еще раз удивил меня Гриша Прахов. Под тряпьем у него оказалось чистое белье, вроде даже импортное. Лохмотья его я сразу же решил выбросить и поэтому обискал. В кармане брюк обнаружился временный пропуск на завод и двадцать три копейки, а за прорвавшейся подкладкой пиджака — в целлофановом пакете — военный билет, свидетельство о рождении, аттестат и паспорт.

Документы я, конечно, проверил. Все вроде на месте: серия, номер, фотография — Гришкина, не перепутаешь. И в военном билете — тоже, только Гриша там помоложе и пополнее. Вот ведь чудик, а?

На всякий случай я заглянул и в аттестат, посмотрел, на какой он планете ума набирался. «Полный курс Нижне-Добринской средней школы...» Далекая, видать, планета...

Я снова завернул документы в целлофан и, кинув пакет на стол, греб в охапку тряпье на выброс.

Вот не было у бабы хлопот...

ГЛАВА 4

Во всяком случае, церемониться я с ним не собирался.

Из глубокой предутренней синевы за окном только-только начали еще проступать черные ветки и зубчатый верх забора, а я уже вошел в малую комнату и включил свет.

— Подъем! — скомандовал я в полный голос, и Гриша, оскалась, сел на койке. Рывком.

Секунду он сидел напряженный, с широко открытыми невидящими глазами, словно ждал чего-то страшного. Не дождав-шись, расслабился и с легким стоном взялся за голову.

— Трещит? — не без злорадства спросил я.

С огромным удивлением Гриша оглядел комнату: вязаный по-ловичок возле кровати, настенный матерчатый коврик с избуш-кой и оленями, две гераньки в горшочках на узком подокон-нике.

Потом он заметил лежащий на столе рядом со стопкой мело-чи целлофановый пакет и беспокожно завертел головой.

— Нет твоего тряпья, — сказал я. — Выкинул я его, понял? Наденешь вот это.

И бросил ему на колени свой старый коричневый костюм. Ну как — старый? Новый еще костюм, хороший, просто не ношу я его.

Гриша отшатнулся и уставился на костюм, как на кобру.

Светало быстро, завтракали мы уже без электричества. Не-смотря на мои понукания, Гриша ел, как цыпленок, стеснялся, молчал.

— Опытом бы поделился, что ли... — буркнул я наконец. — Куда ты ее потом дел?

— Кого? — испугался он.

— Я тебе сейчас дам «кого»! Бутылку вчера в «Витязь» про-нес?

— Нет, — быстро сказал он.

— Как это нет? Ты же лыка вчера не вязал, Гриша! До дру-гих планет доболтался!

— До других планет? — в ужасе переспросил он.

— Ага, — сказал я. — До других планет.

Гриша отложил вилку. На лбу его блестела испарина.

— Но ведь ты же сам заставил меня пить этот.. коктейль... — жалобно проговорил он.

За дурака меня считает, не иначе.

— Гриша, — сказал я, — коктейль был безалкогольный. В «Витязе» вообще спиртного не подают.

— Но я же не знал!..

— Не знал, что коктейль безалкогольный, и поэтому окосел?

— Да!

«На шестой пресс! — подумал я. — И чем скорее, тем луч-ше! Сегодня же подойду к Валерке, пусть что хочет, то и де-лает, но чтобы Гриши этого в бригаде не было!..»

— Ладно, — бросил я. — Давай посуду вымоем — и впе-ред. Пора...

Передевшись в рабочее, я вышел из бытовки и сразу был остановлен Люськой.

— Говорят, ты новичка у себя поселил? — спросила она.

— А кто говорит?

— Ну кто... Аркашка, конечно.

— Ты ему как-нибудь крюк на каску опусти — может, болтать поменьше будет, — посоветовал я и хотел идти, но Люська опять меня задержала.

— Неужели правда? Аркашка говорит: приютил, в свое одел...

— Ну, приютил! — раздраженно бросил я. — На груди пригрел! Тебе-то что?

— Ничего... — Она отстранилась и с интересом оглядела меня исподлобья. — Просто спросить хотела... Ты его из соски кормить будешь или как?

Вот язва, а? Язвой была — язвой осталась. С детства.

— Так я что, перебил его у тебя? Ну забери — у себя поселишь.

— Дурак! — вспыхнув, сказала она. Повернулась и гордо унесла куда-то свой орлиный нос.

Интересно, под кого ты, Люська, клинья подбить решила: под меня или под Гришу? Если под меня, то предупреждаю заранее: бесполезно, я не Бехтерь, я тебя, лапушка, насквозь вижу. Тебе ведь нос чуток выпрямить — и лицо у тебя станет совершенно Наташкино. И словечки у тебя Наташкины то и дело проскакивают. И предательница ты, наверно, такая же, как она... Вообще чертовщина с этими лицами. Взять хоть Ирину из универмага — мордашку ей слегка вытянуть, и опять получается Наташка. Как сговорились...

С такими вот интересными мыслями я подошел к прессу. Только-только принял оборудование у третьей смены, как Ставар зычно оповестил:

— Бугор на горизонте! Эх, а веселый-то, веселый!..

Я посмотрел. Действительно на каменной физиономии приближавшегося к нам Валерки Чернопятова отгиснуто было что-то вроде удовлетворенности. Он коротко кивнул бригаде и, приподняв тяжелый подбородок, остановился перед Гришей.

— Пошли, Григорий, — как бы с сожалением сказал он. — Переводят тебя от нас на шестой пресс.

Гриша беспомощно оглянулся на меня. Я отвернулся к прессу и, нахмурясь, принялся осматривать новые, недавно поставленные ножи. Потом не выдержал и, бросив ветошку, подошел к нашим.

— В чем дело? — спросил я Валерку.

— Все в порядке, — заверил он, не оборачиваясь. — На резку еще одного новичка направляют. Его мы берем себе, а Гришу отдаем шестому прессу.

— И сменный мастер знает?

— А как же! — бодро отозвался он. — Все согласовано.

— А со мной? — закипая помаленьку, проговорил я. — Со мной ты это согласовал?

С Валеркой мы не разговаривали до конца апреля. И это еще не все...

Вечером я вспомнил наконец, что хорошо бы забежать в универмаг к Ирине — объяснить, почему исчез.

Забегал, объяснил...

Домой я вернулся с твердым намерением как можно быстрее обеспечить Гришу общежитием. Хватит! Еще не спрашивали ме-

ня, с каким это бродяжкой я пронес бутылку спиртного в кафе «Витязь»! Пусть с покупателями своими так разговаривает!..

Никого не обнаружив в комнатах, я сунулся в кухню и увидел там такую картину: Гриша сидел в уголке на табуретке и неумело чистил картошку, внимательно, с почтением слушая сговора матери.

— Все с нее началось, с Наташки, — жаловалась она. — Поломала дуреха жизнь и ему, и себе. А у Миньки-то характер — сам знаешь какой! В ступе пестом не утолчешь! Из армии пришел — грозился: мол, в две недели себе жену найду, получше Наташки... И вот до сих пор ищет...

Я вошел в кухню и прервал эту интересную беседу.

— Ты картошку когда-нибудь чистил? — хмуро спросил я Гришу. — Кто так нож держит? Дай сюда...

Показав, как надо чистить картошку, я перенес низенькую, еще отцом сколоченную скамейку к печке, сел и, открыв дверцу, закурил.

— Ну и как там твоя Ирина? — осторожно спросила мать.

Печь исправно глотала табачный дым черной холодной пастью. Зверская тяга у агрегата. Дядя Коля, сосед наш, делал..

— Какая Ирина? — нехотя отозвался я. — Не знаю я никакой Ирины.

Мать покивала, скорбно поджав губы. Ничего другого она от меня и не ждала.

— В общем, так, Гриша, — сказал я. — Насчет общежития идем завтра... А что ты на меня так смотришь? Что случилось?

— Картошка кончилась, — виновато ответил Гриша.

— Всю почистил? — обрадовалась мать. — Вот спасибо, Гришенька. Не сочти за труд — сходи во двор, ведро вынеси...

Гриша с готовностью подхватил ведро с кожурой и побежал выполнять распоряжение.

— Знаешь, Минька... — помолчав, сказала мать. — Не надо вам завтра никуда идти. Подумала я, подумала... Возьму я Гришу квартирантом. Все равно комната пустует.

Я уронил окурок, неудачно поднял его, обжегся и, повертев в пальцах, бросил в печку. Нет, такого поворота я не ожидал.

— Вежливый, уважительный... — задумчиво продолжала мать. Потом очнулась и посмотрела на меня строго. — Дать бы тебе по затылку, — сказала она, — чтобы голову матери не морочил! Какая его жена из дому выгнала? Он и не женат вовсе. Тоже вроде тебя...

ГЛАВА 5

Во дворе шевелились бело-розовые яблони, а я сидел у окна и без удовольствия наблюдал, как Мухтар командует Гришей.

Хитрая псина с низким горловым клокотанием вылезла из будки, и Гриша послушно остановился. Взрыкивая для острастки, Мухтар медленно обошел кругом замершего квартиранта и лишь после этого разрешил следовать дальше. Потом, как бы усомнясь в чем-то, снова скомандовал остановиться и придирчиво обследовал Гришины ноги, словно проверяя, по форме ли

тот обут. Убедившись, что с обувью (галоши на босу ногу) все в порядке, не спеша прошествовал к будке и улегся на подстилку, высоко держа кудлатую голову и строго посматривая, как Гриша с величайшим почтением перегружает содержимое ведерка в миску.

И такую вот комедию они ломали перед моим окном каждый день, причем ужасно были друг другом довольны. Так и подмывало выйти во двор, ангелочку Грише дать по шее, а наглецу Мухтару отвесить пинка, чтобы знал свое место в природе, псина.

Дождавшись возвращения Гриши, я зловеще спросил его:

— А чему ты все время радуешься?

Действительно, стоило Грише чуть отдохнуть, и лицо его немедленно украшалось тихой счастливой улыбкой. Как сейчас.

На секунду Гриша задумался, потом поднял на меня серьезные глаза и произнес негромко:

— Свободе.

— Какой свободе, Гриша? Ты же за калитку не выходишь!

— Выхожу, — быстро возразил он.

— Если мать за хлебом пошлет, — сказал я. — Слушай, чего ты вообще хочешь?

Гриша растерялся.

— Вот... Мухтара покормил... — как всегда, невпопад ответил он.

— Молодец, — сказал я. — Мухтара покормил, картошку почистил, из окошка во двор поглядел... Устроил сам себе заключение строгого режима и говоришь о какой-то свободе!

— Я объясню, — сказал Гриша. — Можно?

— Валяй, — хмуро разрешил я.

Глаза б мои на него не глядели! Дома — Гриша, на работе — Гриша. И мать, главное, взяла в привычку чуть что в пример мне его ставить: и домосед он, и не грубит никогда, и что попросишь — все сделает...

— Скажи, пожалуйста, — начал Гриша, — есть такое наказание, чтобы человека лишали возможности двигаться?

— Нет такого наказания, — недовольно сказал я. — Это только в сумасшедших домах смирительные рубашки надевают. На буйных.

— Ну вот, — обрадовался Гриша. — Представь: человека поместили в камеру и надели на него такую рубашку. Год он лежал без движения, представляешь?

— Не представляю, — сказал я. — У него за год все мышцы отомрут.

— Ну пусть не год! Пусть меньше!.. А потом сняли с него эту рубашку. И вот он может пройти по камере, может встать, сесть, выглянуть в окно... Он свободен, понимаешь?

— В камере? — уточнил я.

— В камере! — подтвердил Гриша. — Ему достаточно этой свободы!..

И такие вот разговоры — каждый день.

Привязался однажды: можно ли найти человека, если известны паспортные данные? Я ответил: можно — через горсправку. А если не знаешь, в каком он городе живет? Ну, тут уж я

задумался. Не перебирать же, в самом деле, все города по очереди — так и жизни не хватит.

— А кого ты искать собрался, Гриша?

— Я?.. Никого... Я так... из любопытства...

Но больше всего меня поражало вот что — Гриша-то ведь и вправду оказался трезвенником! То есть вообще ни-ни. Ни капли.

Хотя была однажды ложная тревога. Я сидел в кухне на своей скамеечке и курил в печку, а Гриша с матерью разговаривали в большой комнате. Что-то в их беседе показалось мне странным. Мать молчала, говорил один Гриша.

— ...а мальчик тем временем рос и ничего не знал, — печально излагал наш особо опасный квартирант. — Ни о том, что он заброшен сюда с другой планеты, ни о том, что за ним когда-нибудь прилетят...

И что самое удивительное — вязальные спицы в руках матери постукивали мерно, спокойно, словно речь шла о чем-то очень обыкновенном.

Я швырнул окурок в печку и направился в большую комнату.

Гриша сидел напротив матери и сматывал шерсть в клубок. Глаза — ясные, голос — ровный.

— О чем это вы тут разговариваете?

— А это мне Гришенька фантазию рассказывает, — с добрым вздохом отвечала мать. — В книжке прочел...

Вечером, дождавшись, когда Григорий ляжет спать, я снова подошел к матери.

— Слушай, мать... Я, конечно, понимаю: квартирант у нас хороший, лучше не бывает... Но скажи мне честно, мать: тебя в нем ничего не беспокоит?

Она отложила вязанье, сняла очки и долго молчала.

— Ну, странный он, конечно... — нехотя согласилась она. — Но ведь в детдоме рос — без матери, без отца...

— Детдом — ладно, — сказал я. — А вот насчет других планет — это он как? Часто?

— Да пусть его... — мягко сказала она.

ГЛАВА 6

— А что это нашего квартиранта не видеть?

Швейная машинка ответила мне длинной яростной речью, мать же ограничилась тем, что оделила меня сердитым взглядом искоса.

— Не понял, — уже тревожась, сказал я. — Где Гриша?

За окнами было черным-черно. Часы на серванте показывали половину двенадцатого.

— Да не стучи ты, мать, своей машинкой! Он что, не приходил еще?

— Почему... — сухо и не сразу ответила она. — Приходил. Потом снова ушел. Да он уж третий вечер так...

— Третий вечер? — изумился я. — Гриша? Вот не знал...

— Откуда ж тебе знать! — вспыхнула она. — Ты сам-то в последнее время дома вечерами бываешь?

Я смущенно почесал в затылке и, прихватив сигареты, вышел из дому.

Наш переулок, опыленный светом желтеньких безмозглых лампочек на далеко разнесенных друг от друга столбах, был весь розово-бел от цветущих деревьев. Я постоял, прислушиваясь.

Минуты две было тихо. И вдруг где-то возле новостройки взвыли собаки. Лай начал приближаться, откочевал вправо, причем из него все явственней проступали выкрики и топот бегущих ног.

— Что-то слышится родное... — озадаченно пробормотал я.

В частном секторе теперь было шумно, и ядро этого шума катилось прямоком ко мне. Первым из-за угла выскочил высокий широкоплечий парень и припустился наискосок к нашей калитке. Увидев огонек моей сигареты, шархнул и принял оборонительную позу.

— А ну быстро в дом! — негромко скомандовал я. — Быстро в дом, я сказал. Без тебя разберемся...

И растерянный Гриша Прахов молча скользнул мимо меня во двор. Навстречу ему, угрожающе kloкоча горлом, двинулся спущенный на ночь с цепи Мухтар, но Гриша был настолько взволнован, что просто перешагнул через пса и заторопился по кирпичной дорожке к дому. Ошарашенный таким пренебрежением, Мухтар сел на хвост и, до отказа вывернув голову, уставился вслед. Я прикрыл калитку.

Тут из-за угла выскочили еще двое. Точно так же метнулись на огонек моей сигареты, а потом с ними произошло то же, что и с Гришей, — только узнали они меня быстрее и шархнулись не так далеко.

— Да это же Минька! — растерянно сказал тот, что повыше. Зовут Славкой, фамилии не знаю, живет в Нижнем поселке.

А кто второй? Второму фонарь светил в спину, лица не разглядишь. Выдала улыбка — широкая, наглая. Бехтерь.

Со стороны котлована под собачий аккомпанемент подбежал третий. Задохнулся и перешел на тяжелую трусцу... А намного их Гриша обставил. Молодец, бегать умеет. Хотя с чего ему не уметь — ноги длинные, голова легкая...

— Что, чижики? — ласково спросил я, дождавшись, когда они соберутся вместе. — Детство вспомнили? В догонялки поиграть захотелось? А если мне сейчас тоже поиграть захочется?

Я сделал шаг, и они попятнулись. Бехтерь перестал улыбаться.

— Нет, Минька, — скрипуче ответил он, и я удивился, столько в его голосе было ненависти. — С тобой мы в догонялки играть не будем. А вот с квартирантом твоим еще сыграем. Так ему и передай.

Я выслушал его и не спеша затянулся.

— Бехтерь, — прищурясь, сказал я. — А помнишь, ты лет пять назад этот переулочек спичкой мерил? Сколько у тебя тогда спичек вышло?

Вместо ответа Бехтерь издал какой-то змеиный шип.

— Так вот, Бехтерь, — продолжал я. — Если я тебя еще раз поймаю в нашем районе — заставлю мерить по новой. Только уже не поперек, а вдоль. Славка!

— Ну! — встревоженно отозвался он.

— Тебя это тоже касается. И дружку своему растолкуй. Я его хоть и не знаю, но личность запомнил.

— А меня-то за что? — баском удивился тот, о ком шла речь.

— А не будешь на свету стоять, — закончил я, топчя окурок.

Мать ждала меня в прихожей, приоткрыв дверь во двор.

— Что там, Минька? — спросила она.

— Все в порядке, мать, — успокоил я. — Так... Нижнинские немножко не разобрались.

Успокоил и направился напрямиком в Гришину комнату. Гриша сидел на койке и расстегивал рубашку, хотя умные люди обычно начинают с того, что разуваяются. Увидев меня, он ужасно смутился и стал почему-то рубашку застегивать.

— Ну расскажи, что ли, — попросил я, присаживаясь рядом с ним. — Что вы там с Бехтером не поделили?

Гриша вдруг занервничал, ощетинился.

— Я... отказываюсь отвечать на такой вопрос! — заявил он высоким срывающимся голосом.

Это было так не похоже на нашего обычного Гришу, что физиономия моя невольно расплзлась в улыбке.

— Ну а что я у тебя такого спросил? Я спросил, что вы не поделили с Бехтером...

Гриша вскочил.

— Ты так ставишь вопрос, — оскорбленно проговорил он, — что я просто не могу на него отвечать!

Смотри-ка, вскакивать начал...

— Ну хорошо, — сказал я, удивленно глядя на него снизу вверх. — Давай по-другому поставлю. За что тебя сейчас гоняли? Такой вопрос пойдет?

Гриша помолчал, успокаиваясь.

— За Людмилу, — сказал он мрачно.

— За Людмилу? — ошарашенно переспросил я. — Ах, за Людмилу...

Я посмотрел на смущенного рассерженного Гришу и засмеялся.

— А что хоть за Людмила? Я ее знаю?

— Как же ты ее можешь не знать! — с досадой бросил Гриша. — В одной смене работаем.

Я перестал смеяться.

— Постой-постой... Так это наша Люська? Крановщица?

Гриша молча кивнул.

— Мать! — крикнул я, втаскивая его за руку в большую комнату. — Посмотри на этого дурака, мать! Ты знаешь, с кем он связался? С Люськой Шлеповой из Нижнего поселка!

Мать выронила вишневый плюш, которым покрывала швейную машинку, и, всплеснув руками, села на стул.

— Да как же это тебя угораздило, Гришенька?

У Гриши было каменное лицо взятого в плен индейца.

— Он уже и с Бехтером познакомиться успел, — добавила я. — Устроили, понимаешь, клуб любителей бега по пересеченной местности!

Услышав про Бехтера, мать снова всплеснула руками.

— Побьют тебя, Гришенька, — проговорила она, с жалостью глядя на квартиранта.

Когда я на следующий день перед сменой рассказал обо всем ребятам, отреагировали они как-то странно. Валерка осклабился, Вася-штангист всхохотнул басом, Старый Петр сказал, поморгал:

— А в чем новость-то? Что Гринька с Люськой? Так я это неделю назад знал.

— Неделю? — не поверил я. — А кто разнюхал? Аркашка?

— Ну ты, Минька, силен! — восхитился Сталевар. — Глянька туда.

Я обернулся. Возле правилки, там, где у нас располагается лестница, ведущая на кран, стояли и беседовали Гриша с Люськой. И то ли повернулись они так, то ли свет, сеющий на цеху из полых стеклянных чердаков в полукруглой крыше, падал на них под каким-то таким особым углом, то ли я просто впервые видел их вместе... Похожи — как брат с сестрой. Гриша, правда, черноволосый, а у Люськи — рыжая копна из-под косынки, вот и вся разница.

— Я тоже сначала думал — они родственники, — пробасил над ухом Вася-штангист. По-моему, он хотел меня утешить.

А после смены я снова встретил Люську у проходной.

— Бехтера ждешь? — спросил я. — Или Гришу?

— А ты прямо как свекор, — кротко заметила она. Глаза ее были зелены и нахальны.

— Слушай, Люська! — сказал я. — Чего ты хочешь? Чтобы Бехтерь Гришу отметелил? А я — Бехтера, да?

— Кто бы тебя отметелил... — вздохнула она.

— Ишь, губы раскатала! — огрызнулся я. — Метелок не хватит!.. Слушай, на кой он тебе черт сдался, а? Для коллекции, что ли? Нет, я, конечно, понимаю: парень красивый, видный. Тихий опять же. Стихи, наверное, читает...

Люська поглядела на меня изумленно и вдруг расхохоталась, запрокинув голову.

— Стихи?.. Ой, не могу! Гриша — стихи!

— Ну вот, закатилась! — с досадой сказал я. — Чего смешного-то?

— Да так... — все еще смеясь, ответила Люська. — Просто никто еще мне ни разу не вкручивал, что он из-за меня с другой планеты сбежал...

— Чего-чего?!

ГЛАВА 7

— А как же твоя философия насчет смирительной рубашки? Тебе ведь раньше камеры хватало...

Он улыбнулся.

— Не хватило, как видишь...

Мы подходили к заводу, и уже замаячил впереди стеклянный кубик проходной, когда навстречу нам шагнул Валька Бехтерь с фирменными очками в руке, причем видно было, что с переносицы он их сорвал сию минуту.

— Почему у тебя рожа целая? — испуганным шепотом спросил он Гришу.

На меня он даже не смотрел.

— Два раза тебе повторять? — с угрозой осведомился я. — Кому было сказано, чтобы ты мне больше не попадался?

Похоже, Бехтерь не понял ни слова и среагировал только на голос.

— Минька! — в страхе проговорил он, тыча в Гришу очками. — Почему у него рожа целая?

— В чем дело, Бехтерь? — начиная злиться, процедил я.

— Минька, клянусь! — Бехтерь, чуть не плача, ткнул себя очками в грудь. — Я же его вчера ночью встретил!.. Я же его вчера... Сняжки же должны были остаться!..

Но тут я так посмотрел на него, что Бехтерь попятился и пошел, пошел, то и дело оглядываясь и налетая на людей.

— Вот идиот! — сказал я. — И не пьяный вроде... Интересно, что это у него за работа такая? Полчетвертого уже, обед у всех давно кончился, а он гуляет...

Я повернулся к Грише и увидел, что смуглое лицо моего квартиранта бледно, а губы сложены в безнадежную грустную улыбку.

— Так, — сказал я. — С ним все ясно. А с тобой что?

— Знаешь, Минька, — через силу выговорил он. — Я, пожалуй, от тебя съеду...

— Съедешь с квартиры? — изумился я. — А чего это ты вдруг?

— Нашли меня, Минька, — с тоской сказал Гриша Прахов. — Я теперь опасный квартирант. Держись от меня подальше... пожалуйста...

— Да он что, заразный, что ли? — взорвался я, имея в виду Бехтеря. — Сначала он бредил, теперь — ты!..

Сгоряча я сказал что-то очень похожее на правду.

— Людмила! — ахнул Гриша. — У нее же отгулы! Ее же сегодня в цехе не будет!..

Он кинулся в сторону, противоположную проходной, и я еле успел поймать его за руку.

— Ты куда?

— К ней!

— Куда к ней? Хочешь, чтобы прогул тебе записали?

Скрутил я его, довел до стеклянного строения и силой затолкал в вертушку проходной. Оказавшись на территории завода, Гриша перестал буйнить и притих.

— Да ведь она же к родственникам уехала! — вспомнил он. — Ну, тогда все...

Опустил голову и молча побрел к цеху. Ничего не понимаю. Только что был парень как парень — и вот на тебе! Того и гляди снова себя инопланетянином объявит!

И Сталеваара в тот день с нами не было. Собирался в область Сталеваар — к теще на блины, и заранее колдовал со сменами, переходя из одной в другую...

А Гриша продолжал меня удивлять. Мы и раньше знали, что парень он старательный, но в этот раз он самого себя перехлестнул. Уж до того отчаянно гонял листы, что даже рассердил Старого Петра.

— Ты что один корячишься? — заворчал на Гришу Старый Петр. — Видишь же, какую плиту режем! Ее вдвоем вести надо... Почему Васю не дождался? В последний раз, что ли, работаешь?..

Гриша растроганно поглядел на него и ничего не ответил. Передышки он себе в тот день не давал. Кончится пакет — хватает чайник и бежит на прокатный стан за газировкой. Если и случалось ему присесть на минутку — уставится и смотрит. На меня, на бригадира, на Старого Петра... Даже на пресс. И не шелохнется, пока не окликнешь его. Только в одну сторону он не взглянул ни разу — вверх, где вместо Люськи ездил в кабине мостового крана толстая тетка с кислым сердитым лицом.

— Ты не заболел, Гриня? Может, тебя у мастера отпросить? Иди домой, а утром врача вызовешь...

Гриша с признательностью смотрел на спрашивающего и молча качал головой. Бехтерь, скотина!.. Чем же он его так достал, хотел бы я знать! «Почему у тебя рожа целая...» Угроза? В том-то и дело, что нет! Не угрожают с таким ошарашенным видом...

Стеклянные чердаки в полукруглой крыше засинели, а потом стали черными, Смена кончилась.

Я даже не заметил, как и куда Гриша исчез. Когда выбрался из душевой, на шкафчике его уже висел замок. Поспрашивал ребят, и мне сказали, что Гриша оделся и ушел. Я хотел было на него обидеться (раз Люськи нет — думал, вместе домой пойдем), как вдруг увидел, что из замочка торчит ключ. И что-то сразу мне стало не по себе. Вот в чем дело: Гриша ничего никогда не забывает — недаром мне мать все уши прожужжала об его аккуратности. И если он оставил ключ нарочно...

Я отомкнул шкафчик, открыл дверцу и в непонятной тревоге оставил на образцовое Гришино хозяйство. Роба, двойные брезентовые рукавицы, ботинки, полотенце, мыльница, мочалка в целлофановом пакете... Все на месте, всему свой крючок, своя полочка... В уголке вчетверо сложенная влажная тряпка — уходя, Гриша тщательно протер шкафчик изнутри и снаружи...

Домой я возвращался почти бегом.

— Мать, Гриша пришел? — крикнул я с порога, но увидел ее лицо и осекся. — Что случилось, мать?

— Ой, не знаю, Минька... — еле проговорила она, кутаясь в

шаль, как в ознобе. — Что-то Мухтар весь вечер не по-хорошему воет...

Тут, точно в подтверждение ее слов, Мухтар завыл. Вой действительно был нехорош. Мало того — это был тот самый вой, которым Мухтар встретил Гришу три месяца назад.

Я сорвал с себя пиджак и, отшвырнув его, выбежал из дому. — Осторожнее там, с Бехтерем! — умоляюще крикнула мне вслед мать, но я уже был на улице.

Обвел меня Бехтерь, обвел, как хотел! Испуганным прикинулся, голову заморочил, ерунды наплел... Значит, не ерунда это была! Значит, что-то они с Гришей знали такое, чего я не знал!.. Ну, все, Бехтерь! Если ты его хоть пальцем сегодня тронешь — уезжай из города, Бехтерь! Уезжай от греха подалее!..

На полпути к заводу вспомнил, что пропуск у меня остался в кармане пиджака. Вот черт! Тогда придется — напрямик, через сквер... Вот будет номер, если дыру замуровали — собирались ведь замуровать...

Шел второй час ночи, и сквер был пуст. На моей скамейке с крупно вырезанным словом «НАТАША» кто-то спал. Гриша? Все может быть. На вокзале он уже ночевал — теперь вот в сквере... «Съеду с квартиры...» Чем же я его обидел, а?.. Впрочем, это был не Гриша. На моей скамейке под ослепительным, растворяющим темноту фонарем спал дядя Коля — сосед, тот, что когда-то сложил нам печку.

Я свернул с аллеи на тропинку, ведущую к заводской стене, и остановился. Кажется, я успел вовремя — Гришу еще ждали. За высоким кустом самочинно разросшейся смородины спиной ко мне стоял какой-то человек. Он явно следил за проломом. Караулишь, да? Ну, я тебе сейчас покараулю!..

Но тут, услышав мои шаги, человек беспокойно шевельнулся, и я перестал понимать, что происходит. В кустах смородины, наблюдая за дырой в стене, стоял — кто бы вы думали? — Гриша Прахов.

— Ну и какого черта ты здесь делаешь? — подойдя, негромко спросил я.

Гриша Прахов оглянулся и посмотрел на меня с вежливым удивлением.

— Простите?..

Я обомлел. Серого, льющегося со стороны аллеи полусвета вполне хватало, чтобы высветить Гришино лицо и положить на него тени. Но передо мной стоял не Гриша. Этот человек не притворялся — он в самом деле видел меня впервые. И одет он был по-другому: строгий серый костюм, белая рубашка, галстук...

— Извиняюсь... — ошарашенно пробормотал я. — Обознался...

Двинувшись к пролому, я краем глаза зацепил второго, одетого точно так же. Этот лепился у стены, чуть поодаль. Возле самой дыры я нарочно споткнулся, выиграв таким образом, пару секунд, и успел разглядеть, что левый глаз у него заплыл, бровь чем-то заклеена, а губа распухла. И тем не менее ошибки быть не могло: у этого, второго, тоже было Гришино лицо, только сильно побитое.

Видно, я был крепко ошеломлен, потому что опомнился, лишь налетев на смутно белеющую в темноте грудку штaketника. Справа чернела громада строящегося пролета, впереди пылили желтоватым светом окна и открытые ворота листопрокатного.

В смятении я оглянулся на еле различимую в серой стене дыру. С кем я сейчас встретился? Что это еще за оборотни к нам заявились? Кто они? Что им здесь нужно в два часа ночи?

И тут в памяти всплыли недавние Гришины слова, да так ясно, будто он вдруг оказался рядом и снова их произнес:

— Нашли меня, Минька...

Словно тоненький яркий лучик прорвался внезапно в мою бедную голову. Странная истерика в «Витязе», вечная Гришина боязнь лишний раз высунуть нос на улицу, осторожные распросы о том, легко ли найти скрывающегося человека, — все теперь стремительно вязалось одно к одному, превращаясь в пугающую правду.

Вот он кого боялся — не Бехтеря, что ему Бехтерь! Понятно... Все понятно! Искали, нашли и приехали сводить какие-то старые счеты... А говорил, родственников у него нет! Надо же, как похожи — до сих пор мороз по коже!..

А почему обязательно родственники? Может, национальность такая южная — все на одно лицо?.. Какая, к черту, национальность — Гриша по паспорту русский!..

Паспорт! Меня аж пошатнуло, когда я о нем вспомнил. Настоящий, но краденый!.. Неужели все-таки Гриша в чем-то замешан? Шалопай, ах, шалопай! Три месяца молчал, не мог подойти, объяснить по-человечески: так, мол, и так... Да за него бы, если что, вся бригада поручилась!..

А что ж это я стою, губы раскатал? Гриша-то еще на территории, раз караулят его!

Эта мысль сорвала меня с места и толкнула к цеху...

Господи, как я обрадовался, когда увидел, что на первом прессе за «хвостового» работает Сталевар!

— На-ка, потрудись, — сказал он, отдавая ключ размечающему. — Это опять ко мне!..

Сталевар был сильно чем-то озабочен. Подойдя, вынул из клешнеобразной рукавицы крепкую корявую пятерню и протянул для рукопожатия, которое мы почему-то не разрывали до самого конца нашего короткого разговора.

— С чего это Гриня уезжать надумал? — хмуро спросил Сталевар.

— Уезжать? Куда?

— Откуда ж я знаю? — с досадой сказал он. — Прибежал среди ночи, попрощался... Я так понял, что уезжает.

И снова меня мороз продрал вдоль хребта, когда я услышал это «попрощался». Да кто же они такие? Что им от него надо? Может, охрану к дыре вызвать с первой проходной?..

— А когда он здесь был? Давно?

— Да только что. Минут пять, не больше.

— А куда пошел? Не помнишь? Ну, хоть в какую сторону?

— Не заметил я, Минька, — виновато сказал Сталевар. — Но он где-то здесь, далеко от цеха он уйти не мог...

Рукопожатие наше разомкнулось, и я, ничего не объясняя, устремился мимо участка отгрузки к открытым воротам. Оказавшись снаружи, приостановился, давая глазам снова привыкнуть к темноте.

Где же он околачивался все это время? Хотя понятно... Увидел возле первой проходной родные лица и вернулся. Побежал ко второй проходной — там то же самое. Сунулся туда, сюда, а выходы все перекрыты...

Додумать я не успел, потому что увидел Гришу. Это был точно он — я узнал со спины его куртку: черную, с желтым клином — вместе покупали, с первой его полочки... Опустив голову, Гриша брел к дыре.

— Гриша! — что было силы заорал я, но сзади мощно ворчал и погромыхивал цех. Кроме того, Гриша был слишком далеко — желтый клин маячил уже возле смутно белеющей груди штакетника, а потом и вовсе пропал за черной коробкой недостроенного пролета.

Я кинулся вдогонку, но тут же вынужден был перейти на быстрый шаг. Бегать ночью по территории завода да еще вблизи строящегося цеха — в два счета обезножешь.

Ничего, ребята, ничего... Еще не вечер... Кто вы такие, мы выясним потом. А Гришу я вам так просто не отдам, вы об этом и думать забудьте!..

Возле груди штакетника я задержался и вытянул из нее рейку. Ладно, если их всего двое. Только ведь там может быть и третий — в кустах, для страховки...

Я выбежал из-за недостроенного пролета и увидел, что опоздал: Гриша Прахов на моих глазах нагнул голову и шагнул в пролом...

ГЛАВА 8

Они даже не прикоснулись к Грише Прахову — просто подошли с двух сторон, одинаково одетые, с одинаковыми лицами, и остановились, молча глядя на поникшего преступника...

Преступника?

Но ведь я же прекрасно видел, что эти двое не из милиции! Два часа ночи, темный сквер, явная уголовщина!.. И потом эти их одинаковые физиономии!..

Преступника...

Двое повернулись и пошли к выходу из сквера, ступая уверенно, неторопливо. А Гриша Прахов, мой квартирант, резчик из моей бригады, плелся между ними, жалко опустив плечи.

Серый полусвет фонарей лился им навстречу, и с каждым шагом эти трое делались все более плоскими, словно вырезанными из бумаги.

И я понял вдруг, что вижу Гришку в последний раз, что его уведут навсегда...

Меня вышвырнуло из пролома, как торпеду.

Они оглянулись.

— Минька, не надо! — услышал я испуганный Гришин вскрик, но было поздно.

Первым мне подвернулся тот, с заплывшим глазом, и я положил на него штaketину сверху — с оттягом, как кувалду. Он почти уклонился, и все же я его зацепил. Хорошо зацепил, крепко.

Второй мягко отпрыгнул и, чуть присев, выхватил что-то из-за спины левой рукой. У меня не было времени снова занести штaketину, и я просто отмахнулся ею. Повезло — достал. Выбитый ударом предмет, кувыркаясь, улетел в заросли.

Крутнулся на месте... Так и есть — третий! Чуяло мое сердце! Этого я женил рейкой точнехонько в лоб.

И только когда раздался деревянный сухой звук удара, когда этот неизвестно откуда взявшийся третий попятился от меня мелкими нетвердыми шажками, дошло наконец, что это я Гришу рейкой женил. Черт бы драл их одинаковые физиономии!

Гриша допятился до конца лужайки, там его подсекли под колени плотные подстриженные кусты, и он по-клоунски через них кувырнулся — спиной вперед, только подошвы мелькнули.

Противники мои вели себя тихо: один лежал, уткнув заплывший глаз в короткую черную траву, второй постанывал, свернувшись в вопросительный знак и по-вратарски «упаковав» подбитую руку.

Надо было, не теряя ни секунды, хватать Гришу, взваливать его на горб и со всех ног бежать к дыре. А там — срочно поднимать шум! Кому-кому, а уж мне-то рассказывать не стоит, что за штуку выдергивают из-за спины таким движением, — служил, знаю...

Я отшвырнул штaketину, дернулся было к кустам, за которые только что улетел Гриша Прахов, и вдруг в самом деле увидел третьего. Вернее, не то чтобы увидел... Просто вдалеке, возле аллеи, где света было побольше, мелькнуло что-то серое.

Пригибаясь, я метнулся в сторону, перескочил через ближайшую заросль и упал за чахлой елочкой, чуть не пробив себе ребра чем-то твердым и угловатым. Вот дьявол! На что же это я упал?

Пока я, стараясь кряхтеть потише, извлекал из-под себя эту словно нарочно кем подложенную штуковину, серое пятно приблизилось. Все правильно — это был третий.

Оборотень с лицом Гриши Прахова передвигался короткими бесшумными переходами шага в три-четыре. Замрет на секунду, прислушается — и скользнет дальше, веточкой не шелохнув. В левой руке у него (опять в левой!) было что-то вроде большого неуклюжего пистолета, и чувствовалось, что стрелять он в случае чего будет навскидку и без промаха.

Видно, он тоже заметил подозрительное мелькание теней на лужайке и теперь двигался напрямиком ко мне. И хоть бы камушек какой рядом лежал! И рейку, дурак, бросил!.. Ну куда же мне с голыми руками против...

И тут я обнаружил, что держу за ствол в точности такую же штуковину, как у него. Секунды две в голове моей шла какая-то болезненная пробуксовка, прежде чем я понял, откуда она взялась. Я же сам только что вытащил это из-под собственных ребер. Ну точно! Тот темный предмет, что, кувыркаясь, улетел в заросли после моей отмашки дрыном!..

А этот уже стоял посреди лужайки — серый, неподвижный, с

выеденным тенью лицом. Черные кусты напротив елочки распались широкой прогалиной, и я ясно видел, как он поднял оружие и тщательно прицелился в одного из лежащих. Конечно, ничего хорошего от этой братии я не ждал, и все же меня прошиб холодный пот, когда я увидел, что он собирается сделать.

Все произошло беззвучно и страшно. Выстрела не было. Эта штука в его руке даже щелчка не издала. А человека не стало. Просто не стало, и все. И только трава на том месте, где он лежал, залоснилась вдруг в сером полусвете фонарей от немислимой стерильной чистоты.

Точно так же, спокойно и деловито, оборотень навел оружие на второго... Ну пусть не щелчок, но хоть бы шорох какой раздался! Ни звука. Был человек — и нет его.

Убийца подрегулировал что-то в своей дьявольской машинке и, прицелившись в мою штакетину, уничтожил и ее тоже. На всякий случай.

Я уже боялся дышать. Вот, значит, что стало бы со мной, промахнись я рейкой по второму!.. Долго бы искали потом Миньку Бударина...

Пальцы моей левой руки сами собой, без команды, сомкнулись на рукоятке, и от кисти к локтю пробежали электрические мурашки. Перед глазами у меня вместо прицела оказался стеклянный экранчик не больше спичечного коробка. В нем я увидел слегка увеличенные черные кусты и тонко прочерченную светящуюся окружность.

Кто они такие, откуда взялись, почему у них такое оружие — я об этом и думать забыл! Одного мне хотелось — чтобы этот серый скрылся, и как можно скорее. Но он, похоже, не собирался скрываться — неподвижная фигура по-прежнему маячила посреди лужайки.

Если бы он при этом смотрел в мою сторону — черт с ним! Я тоже в его сторону смотрел, и очень даже пристально. Серый силуэт как раз вписывался в светящуюся окружность на стеклянном экранчике.

Но в том-то все и дело, что оборотень пялился на плотные подстриженные кусты, за которыми лежал обездвиженный мною Гриша Прахов. Если этот гад сделает к нему хоть один шаг... Сделал. Ну, не обижайся...

Спусковая клавиша плавно ушла в рукоятку...

Никому, даже Бехтеру, не пожелал бы я попасть тогда в мою шкуру. Я ведь с той самой ночи стал тишины бояться. Мать до сих пор удивляется: что это я — телевизор включаю, а сам его не смотрю? А меня просто в полной тишине жуть берет...

Так вот, тишина тогда была полной. Где-то далеко-далеко ворчал еле слышно листопрокатный, да шевелились вверху черные кроны. Вот он, серый разрыв между кустами, вот она, выбитая в траве светлая тропинка, а на ней — никого... Как будто не стоял там секунду назад страшный серый человек с лицом Гриши Прахова.

Мне послышалось, что возле стены отчетливо хрустнул под чьей-то ногой осколок стекла. А в следующий миг землю рядом со мной словно подмело — сдуло бесшумно мелкие ка-

мушки, хвоя на низко опущенной ветке блеснула, как вымытая...

В себя я пришел за травянистым бугорком метрах в пятнадцати от того места. Аллея теперь проходила рядом. Краем глаза я видел изнанку моей скамейки и бетонную урну. И только было я подумал, что хотя бы со стороны аллеи прикрыт надежно, как урна эта исчезла. А за ней исчезла и скамейка. Словно кто-то быстро и деловито убирал все заслоняющие меня предметы.

Дальше убирать было нечего — дальше был я. Меня подбрестило... А вот что случилось потом — не помню. Наверное, я отбежал. Или отполз. Или откатился. Словом, что-то я такое сделал...

Дальше идут мелкие обрезки... Ума не приложу, за каким чертом меня понесло через аллею, а главное — как это я ухитрился перебежать ее, не попав под выстрел.

Но они, гады, эту ночку тоже запомнят надолго. Какой там, к дьяволу, Гриша Прахов! Им теперь было не до Гриши. Беготня и бесшумная пальба перекинулись на противоположную сторону сквера — ту, что примыкает к шоссе.

Вот не думал, что пригодится мне когда-нибудь моя армейская выучка! Похоже, я стянул на себя всех Гришиных родственников, дежуривших возле завода. Еще раза три слизывал невидимый выстрел пыль с травы перед самым моим лицом. Я вскакивал, отбегал, падал, отползал, целился... В голове сидела одна-единственная мысль: «Лишь бы этот дурак не очухался раньше времени... Лишь бы он не полез меня выручать...»

А потом вдруг суматоха кончилась, и стало ясно, что дела мои плохи. Даже залечь было негде. Я сидел на корточках за жидким кустиком, а из черных провалов ночного сквера на меня напознала оглушительная леденящая тишина. А за спиной — ограда, железные копы выше моего роста — не перелезешь. Короче говоря, зажали Миньку Бударина.

Кричать? Звать на помощь? Кого? Три часа ночи, пустая улица, никто не услышит. А услышит — так не успеет. А успеет — так не поможет...

И тут откуда-то издали, со стороны старого щебкарьера, поплыл низкий рокочущий звук. Сначала он был еле слышен, потом окреп, приблизился, распался на отдельные голоса... Это шли заводские КраЗы.

Я видел, как шевельнулись кусты, как мелькнула за ними и пропала серая сгорбленная спина, но стрелять вдогонку не стал. Это уже ничего не меняло. Огромный мир вспомнил наконец про Миньку Бударина и шел теперь к нему на выручку.

Рычание моторов надвигалось — уверенное, торжествующее. Из него вдруг прорвался хриплый петушинный крик сигнала — видно, шофер пугнул сунувшуюся под колеса собачонку...

Я ждал, что заросли вскипят разом и еще с десятка Гришиных родственников кинутся, пригибаясь, врассыпную от ограды. Но нигде даже веточка не дрогнула, лишь одна-единственная серая спина мелькнула по-крысиному на аллее, наискосок пересекая световой коридор. Где же остальные-то? Неужели я их всех?..

Показались КраЗы. Они шли колонной — пять длинных угловатых громад, и все дрожало, когда они проходили один за дру-

гим. Метров за двадцать до меня водитель первой машины включил фары, и на темные закоулки старого сквера рухнул обвал света. Рассеченный стволами вязов, свет метался, выхлестывая из зарослей всю эту ночную нечисть — вернее, следы ее...

Конечно, они меня не заметили. Спорить готов, что никто из них даже головы в мою сторону не повернул, но кому какое дело! Главное, что незнакомые мне парни, сами о том не зная, успели вовремя. И попробуй кто пискнуть, что за баранкой КраЗа сидел тогда хоть один плохой человек!..

— Спасибо, ребята... — бормотал я, выбираясь на аллею. — Спасибо...

Выбрался — и остолбенел. Я и не думал, что их будет так много — чистых островков, лежащих вразброс на асфальте. То ли я палил, то ли по мне палили — ничего не помню... Но не все же это промахи! Я смотрел на испятнанную смертельной стерильной чистотой аллею и чувствовал себя убийцей. Оставалось одно: добрести до цеха, положить оружие на металлический стол, сказать: «Вызывайте милицию, мужики. Этой вот самой штукой я только что уложил в сквере человек десять. Только вы учтите — Гриша здесь ни при чем, он пальцем никого не тронул...»

Кто-то приближался ко мне по асфальтовой дорожке, а у меня даже не было сил поднять руку. И слава богу, что не было, потому что навстречу мне, держась за ушибленную голову, брел очнувшийся Гриша Прахов.

— Стой! — вырвалось вдруг у меня. Между нами лежало чистое пятно, асфальт без пылинки, и Гриша неминуемо бы наступил на него, сделай он еще один шаг.

— Обойди... — хрипло приказал я. Нельзя было ходить по этим пятнам. Все равно, что на могилу на чью-то наступить.

Мы стояли друг против друга на том же самом месте, где встретились три месяца назад.

— Я так и знал, что ты вяжешься, — услышал я его больной, надломленный голос. — Я же предупреждал тебя, это очень опасно... Зачем ты, Минька?..

Я смотрел в его замутненные болью глаза и понимал уже, что если и положу оружие на стол, то слова мои будут другими. «Делайте со мной что хотите, — скажу я, — но только иначе никак не получалось. Не мог я им отдать этого человека, понимаете?..»

Я шагнул к Грише, хотел сказать, мол, не тушуйся, главное — отбились, живы оба, как вдруг что-то остановило меня. Остановило, а потом толкнуло в грудь, заставив снова отступить на шаг.

— Гриша... — выдохнул я, всматриваясь в знакомое и в то же время такое чужое теперь лицо. — Кто ты, Гриша?!

ГЛАВА 9

Я проснулся от ужаса. Мне приснилось, что на моей скамейке с крупно вырезанным словом «НАТАША», на скамейке, которая вот-вот должна исчезнуть, спит дядя Коля.

Я рывком сел на койке и сбросил ноги на пол. Лоб мокрый, сердце колотится, перед глазами — пятнистый асфальт и пустота на том месте, где раньше стояла скамейка.

— Всю ночь не спала!.. — грянул где-то неподалеку голос тети Шуры.

В окно лезло солнечное ясное утро. Я сунул руку под подушку, и пальцы наткнулись на прохладную шершавую рукоять.

— Совсем из смысла выжил! — в сильном гневе продолжала соседка. — Ночь дома не ночевать — это что ж такое делается!..

Ничего не приснилось. Дядя Коля не пришел ночевать. Он вообще никогда больше не придет. Он спал вчера на этой скамейке... и исчез вместе с ней.

Я сидел, оцепенев. А тетя Шура все говорила и говорила, и некуда было деться от ее казнящего голоса. Я старался не слушать, я готов был засунуть голову под подушку... если бы там не лежала эта проклятая штуковина!..

— Перед соседями бы хоть постыдился!

Стоп! С кем она говорит?

Меня сорвало с койки, и я очутился у окна. Соседский двор из него просматривался плохо — мешали сарайчик и яблони. Мне удалось увидеть лишь закрывающуюся дверь и на секунду — обширную, в желтеньких цветочках спину уходящей в дом тети Шуры.

С кем она сейчас говорила?

Я кинулся в прихожую, отомкнул дверь и, ослабев, остановился на крыльце. Посреди соседского двора стоял, насупясь, сухонький сердитый старичок. Маленький, как школьник.

Я сошел с крыльца и двинулся босиком через двор к заборчику.

— Дядя Коля... — сипло позвал я. — Дядя Коля...

Он услышал меня не сразу.

— Да ты подойди, дядя Коля... Дело есть...

Он оглянулся на дверь, за которой недавно скрылась супруга, и, поколебавшись, подошел.

— Что это она с утра расшумелась?

Дядя Коля хотел ответить и вдруг задумался. Как же мне сразу в голову не пришло: он ведь мог вчера десять раз проснуться и уйти из сквера до начала пальбы! Дядя Коля, дядя Коля... Что ж ты со мной, старичок, делаешь?!

— Силу им девать некуда, вот что, — обиженно проговорил он.

Я глядел на него и не мог наглядеться. Живой. Ах ты, черт тебя возьми! Живой...

— Кому? Ты о ком, дядя Коля?

Дядя Коля неодобрительно качал головой.

— Ну шутники у нас, Минька, — вымолвил он мрачно. — Ну шутники...

— Да что случилось-то?

— А вот послушай, — сказал дядя Коля. — Получил я вчера пенсию, так? Домой я всегда, ты знаешь, через сквер иду... Ну и присел на лавочке... отдохнуть. Просыпаюсь...

Тут сухие плечики дяди Коли полезли вверх, а кожа на лбу сбралась в гармошку.

— Просыпаюсь на скамейке... Урна рядом стоит...

— На скамейке? — отрывисто переспросил я. — Как на скамейке? Где на скамейке? В сквере?

— В каком в сквере? — внезапно осерчав, крикнул дядя Коля. — В щебкаръере! Просыпаюсь на скамейке, а скамейка стоит в щебкаръере! И урна рядом!..

— Да ты что, шутишь, что ли? — задохнувшись, сказал я. — Какой щебкаръер? До щебкаръера девять километров!

— Это ты кому — шутишь? — вскипел дядя Коля. — Это ты мне — шутишь? Я двадцать лет экскаваторщиком проработал, а ты мне — про щебкаръер? Ты под стол пешком ходил...

Он оборвал фразу, постоял немного с открытым ртом, потом медленно его прикрыл.

— Ну ладно, во мне веса нет, — в недоумении заговорил он. — Но ведь они же меня, получается, на скамейке несли, вот что! На руках несли, Минька!.. Если бы на грузовике — я бы проснулся...

— Дядя Коля, — сказал я. — А ты ничего не путаешь?

Дядя Коля меня не слышал.

— Урну-то они зачем перли? — расстроено спросил он. — Тоже ведь дай бог сколько весит — бетонная...

Тут на пороге показалась тетьа Шура и зычным, хотя и подобрешим голосом позвала дядю Колю в дом — завтракать.

Я оттолкнулся от заборчика и на подгибающихся ногах побрел к себе.

Добравшись до своей комнаты, снова достал оружие из-под подушки.

Машинка напоминала дорогую детскую игрушку. Очень легкая — видно, пластмассовая. И цвет какой-то несерьезный — ярко-оранжевый, как жилет дорожника. Из толстого круглого стлова выпячивалось что-то вроде линзы.

Щебкаръер... Ничего себе шуточка! Так и свихнуться можно.

Я ухватил рукоять плотнее, и от кисти к локтю пробежали вчерашние электрические мурашки.

Гришу пора будить, вот что! Хватит ему спать. Отоспался...

Посреди стола белела записка.

«Ешьте, завтрак на плите, — прочел я. — Заставь Гришу сходить к врачу, а на Бехтера в суд...»

Дочитать не успел — показалось, что в дверях кто-то стоит.

Я обернулся.

В дверях стоял Гриша Прахов.

Никогда раньше он не позволял себе выйти из своей комнаты, не смахнув перед этим последней пылинки с отутюженных брюк. Теперь он был в трусах, в майке и босиком. Да еще марлевая повязка на лбу — вот и весь наряд.

Я выпустил записку из рук и шагнул к Грише.

— Эти... — хрипло сказал я. — В кого я вчера стрелял.. Что с ними?

Гриша смотрел непонимающе. У меня перехватило горло. Перед глазами снова блеснули чистые пролысины на пыльном асфальте.

— Ну что молчишь? Живы они?

— Живы, — сказал Гриша. — Ты отправил их на корабль. В камеру коллектора. Понимаешь, есть такое устройство...

Дальше я уже не слушал. Проходя мимо койки, уронил оружие на подушку и остановился перед окном. Почувствовал удущье и открыл форточку.

— Дурак ты, Гриша... — обессиленно проговорил я и не узнал собственного голоса. Был он какой-то старческий, дребезжащий. К восьмидесяти годам у меня такой голос будет. — Что ж ты вчера-то, а? Я же думал — я их всех поубивал...

ГЛАВА 10

Расположились в кухне. За окном качалась зеленая ветка яблони и время от времени, как бы приводя меня в чувство, легонько постукивала в стекло.

А передо мной на табуретке сидел и ждал ответа... (Я отмахнулся от лезущего в глаза сигаретного дыма.) Черт знает что такое! Сидит на табуретке парень из моей бригады, Гришка Прахов — вон с Бехтером у него нелады из-за Люськи... Другая планета...

А куда денешься, если в самом деле другая?

— Интересно у тебя получается, — нахмурясь, проговорил я. — Ты — преступник. Я — вроде как твой сообщник... А они? Они-то сами кто? Ангелы?.. Ну нет, Гриша, брось! Ангелы по ночам засады не устраивают. Да еще на чужой территории!

— Они не нарушали законов, — негромко возразил он.

— Чьих?

— Своих.

— А наших?

Гриша запилулся. А я вспомнил вдруг, как эти двое вели его вчера сквозь ночной сквер. Шли — будто по своей земле ступали...

— Во всяком случае, — добавил он совсем тихо, — они сделали все, чтобы вас не беспокоить...

Я хотел затануться, но затагиваться уже было нечем — от окурка один огонек остался. Я бросил его в печь и захлопнул дверцу.

— Слушай, а что это вы все такие одинаковые?

Лицо у Гриши стало тревожным и растерянным.

— Странно... — сказал он. — В самом деле одинаковые... Раньше мне так не казалось... Хотя, с другой стороны, в общем-то все логично: идеальное общество требует идеального людского материала.

— Чего-чего?

— Я объясню, — сказал он. — Допустим, так: дом по-настоящему прочен лишь в том случае, когда он построен из одинаковых камней. Если какой-нибудь камень сильно отличается от остальных, стена может рухнуть...

Несколько секунд я соображал.

— Ага... — проговорил я наконец. — А идеальное общество, значит, из одинаковых рыл... Весело. Ну а как же так получилось, что вы все одинаковые?

— Не знаю, Минька, — сказал он.

Я пощупал виски. Разговор еще только начинался, а мозги у меня уже тихонько гудели от перегрева.

— Так... — пробормотал я. — Понятно... Значит, общество — ангельское, а ты... Вроде того камня, да? И закон этот ваш, на счет личности... Слушай, а как ты его нарушал?

— Нарушал... — безразлично отозвался он.

— Ну а что ты делал-то? По газонам ходил? Вел себя не так?

— Просто вел себя...

Я шумно выдохнул сквозь зубы.

— С тобой свихнешься... Как это — вел себя? Все себя ведут!

— Не все... — тихонько поправил он, и словно знобящий сквознячок прошел по кухне после этих его слов. Я снова сидел, укрываясь за жидким кустиком, а из черных провалов ночного сквера на меня напознала оглушительная смертельная тишина... — И они из-за этого достают человека на другой планете? Вел себя... Интересное дело — вел себя...

— Бесполезно, Минька! — с отчаянием проговорил Гриша. — Ты пытаешься вогнать то, что произошло, в привычные рамки — бесполезно! Пойми: это отстоявшееся до предельной ясности общество. Там считаются преступлением такие мелочи, на которые здесь никто не обращает внимания. Потому что более серьезных преступлений там нет...

Говорил он искренне, с чувством, и выходило очень даже складно. И все же что-то пугало меня в том, как легко он ниспадает слова, и...

— Гриша! — отшатнувшись, выговорил я. — А откуда ты так хорошо знаешь наш язык?.. И этот твой ангел с битой мордой... Он же мне вчера по-русски ответил!.. А документы! Где ты взял паспорт? Как ты сюда попал вообще? Кораблем?

— Что ты! — сказал он. — Я бежал через... — Он запнулся, ища слово, — ну, скажем, через «приемник»...

Меня аж подбросило, когда он объяснил, что это такое.

— Так какого же черта ты раньше молчал! Где он, этот твой «приемник»?

— Уничтожен. Полгода назад.

— Интересно... И кто ж это его уничтожил?

— Я, — сказал Гриша и умолк, как бы сам удивляясь своему ответу. Я тоже молчал. Ошарашил он меня, по правде говоря.

— Знаешь, Минька, — вздохнул он, — давай-ка я лучше по порядку...

...Мало я что из его истории понял. Грише то и дело не хватало наших слов, и он вставлял свои либо переводил их так, что запутывал все окончательно. Голова у меня гудела и шла кругом. То мне вдруг мерещились какие-то запаянные ампулы со скрюченными младенцами внутри, то вдруг огромные соты типа осинных — и в каждой по Грише Прахову, потом вдруг в эти соты ни с того ни с сего вдвинулся обыкновенный коридор, в котором Гриша встречался с каким-то человеком и почему-то тайно. Она... Тут я с разбегу остановился.

— Стоп! Кто «она»?

— Человек...

— О ч-черт!.. — только и смог выговорить я. — Так это, значит, она, а не он?

Она. Причем из этих... Из отбракованных. У Гриши, — у того хотя бы внешне с породой все было в порядке, а ее еще и масть подвела. Ангелок с изъяном — все черные, а она рыжая... Рыжая?

— Гриша, — позвал я. — А что, Люська сильно на нее похожа?

— Нет, — помолчав, отозвался он. — Но сначала показалось, что очень...

О знакомстве этом Гриша рассказывал особо путано. Я, например, понял так, что влюбились они друг в друга. А как тут еще можно понять?.. А вот то, что Рыжая его была преступницей, Гриша узнал лишь перед самым своим побегом... Я смотрю, веселое житье у этих ангелов: куда ни плюнь — преступник.

— Тоже вроде тебя?

— Нет, — сказал он. — Не вроде меня. Хуже. Она совершила что-то действительно очень страшное.

— Вокзал, что ли, взорвала?

— Не знаю, Минька, — сказал он. — До сих пор не знаю... Просто однажды она исчезла на несколько дней, а когда появилась снова... то это уже была не она.

— Как?!

— Высшая мера, Минька. К ней применили высшую меру. Теперь она не смогла бы уже совершить никакого преступления, но при этом... Понимаешь, она стала... Да просто не стало ее!

Я торопливо достал и запалил еще одну сигарету. Вот так ангелы...

— И ты решил бежать?

Гриша очнулся и поглядел на меня изумленно.

— Ты слишком хорошо обо мне думаешь, — сказал он. — Не бежать, Минька, нет... Я решил пойти в Дом Стражи и заявить сам на себя. Может быть, даже наговорить на себя... Наговорить — до высшей меры...

..Он идет по длинным пустым коридорам. Голые стены и потолок излучают ровный, не дающий тени свет.

Он давно уже чувствует, как какая-то сила сначала легонько, а потом все сильнее и сильнее нажимает на виски, стесняет дыхание... Это давит на него всей своей огромной тяжестью Дом Стражи.

Давление растет с каждым шагом. Сейчас он не выдержит, повернется и побежит к выходу... Однако он не делает этого и продолжает углубляться в пустой лабиринт коридоров.

Вскоре он теряет чувство времени. Туннели неотличимы друг от друга. Но вот коридор обрывается тупиком, и он оставаивается в растерянности.

Поколебавшись, делает еще один шаг, и стена бесшумно откатывается в сторону,

Входить не положено, и все же он входит и посреди пустого зала видит предмет, напоминающий кресло.

Он садится в это кресло и ждет чего-то. Внезапно со всех сторон к нему протягиваются блестящие суставчатые манипуляторы и смыкаются вокруг головы, образуя нечто вроде тесного шлема...

...Он приходит в себя, и воспоминания обжигают его сильнее прежнего. В смятении перебирает он события последнего времени и вдруг понимает, что дело не в самих событиях, а в том, что он думает о них на чужом языке. Устройство ничего не изъяло из его памяти, наоборот — в него ввели информацию, предназначавшуюся кому-то другому.

Он выбирается из кресла и подходит к стене. В полном сознании, отдавая отчет в своих действиях, он поднимает с пола оставленный неизвестно кем остроконечный брусок металла и взламывает шторку ниши, на которую раньше не решился бы и взглянуть.

Из ниши он извлекает четыре странных предмета — четыре набора тонких прямоугольных пластин — и некоторое время изучает их, разбирая чужие условные знаки. «Прахов Григорий...» На той планете (он уже знает о ее существовании!) это называется именем. Даже если человек сменит работу или станет калекой, его все равно будут называть Прахов Григорий...

— Ну-ка, дай сюда паспорт!

Гриша сунул руку в нагрудный карман рубашки и протянул мне красную книжицу. Я долго всматривался в фотографию. Гришкино лицо. Никакой разницы. Разве что чуть моложе.

— Чьи документы? — спросил я. — Как они вообще туда попали?

— Все просто, — сказал он. — Это документы одного из... наблюдателей, работавших здесь, у вас...

Из-под меня чуть скамеечка не вывернулась.

— Но они уже все отозваны, — поспешил добавить он.

— То есть нет их сейчас на Земле?

— Ни одного. Я же говорю: все отозваны...

Я перевел дыхание и малость успокоился.

— А почему отозваны?

— Из этических соображений, — сказал Гриша.

— Чего-о?

— Из этических соображений, — повторил он. — Было решено, что тайно изучать — недостойно. И наблюдателей отозвали.

Я ошалело поглядел на Гришу, потом на фотографию.

— Постой! А у него паспорт откуда взялся?

— Это его паспорт. Выдали, когда исполнилось шестнадцать лет...

— Ах, черт!.. — Я вспомнил давний разговор Гриши с матерью. — Так их, выходит, что? В самом деле сюда детьми забрасывали? И подменяли потом?

— В самом деле...

И ведь по-умному все рассчитали, собаки! Знали, видно, что для нас они — на одно лицо. Вернется такой пацан откуда-нибудь с каникул — да кто что заподозрит! Ну характер изме-

нился, ну и что? Переходный возраст — бывает... Из этических соображений... Долго они что-то соображали.

— На, держи. — Я приподнялся и отдал паспорт Грише. — И что там с тобой дальше было?

— Дальше.. Дальше я воспользовался «приемником».

...Оказавшись внутри цилиндра, он закрывает люк, отсекая разом и Дом Стражи, и рыжеволосую преступницу с выжженной памятью, и всю свою прежнюю жизнь.

На пульте — всего одна клавиша. Утопленная, она вспыхивает и начинает наливаться сиреневым. Он ждет, пока свечение станет ровным и ярким, затем нажимает ее повторно. Клавиша гаснет. И хотя больше ничего не происходит, он все же каким-то образом понимает, что теперь за стенками цилиндра — иной мир.

Справа от пульта он находит механизм ликвидации и приводит его в действие. Время пошло — нужно спешить. Скоро то, чем «приемник» прикинулся на этой планете, исчезнет в неяркой беззвучной вспышке.

Он открывает люк, и лица касается несильный холодный ветер. Чужая ночь. Чужие мелкие звезды. Их очень мало. Он делает несколько шагов, удивляясь тому, как неровна поверхность, по которой идет. Наклоняется и ощупывает грубое бугристое покрытие, присыпанное тонким пачкающим порошком. Пыль. Это называется пыль. Прах...

Теперь первым делом — достать местную одежду. Любую. А ту, которая на нем, — уничтожить, чтобы и следа от нее не осталось.

А погоня... Погоня будет. В этом он почему-то уверен.

ГЛАВА 11

Рядом с дверью нужного нам кабинета стояли шеренгой четыре стула. На крайнем, поближе к двери, сидел этакий жировичок в мятом костюме. Наше появление его встревожило.

— А товарищ майор еще не пришел, — с опаской глядя на нас, предупредил он.

— Ничего, подождем, — проворчал я, присаживаясь рядом. Гриша подумал и тоже присел.

Уяснив, что перед ним всего-навсего посетители, жировичок успокоился.

— Будете за мной, — с достоинством сообщил он.

Некоторое время сидели молча.

— Как она хоть называется, твоя планета? — негромко спросил я Гришу.

Гриша сказал. Я попробовал повторить — у меня не получилось.

— Понятно... А где находится?

— Не знаю...

— То есть как? Не знаешь, где твоя планета?

— Я ведь не астроном, — с тоской пояснил Гриша. — И потому это в самом деле очень далеко...

Я вспомнил, что где-то в кладовке у меня должен лежать старый учебник астрономии за десятый класс. Карты звездного неба и все такое... Хотя что с него толку, с учебника! Гришато ведь по своим картам учился, в наших он просто не разбирается. Да я и сам теперь в них не разберусь...

— А вы, простите, по какому делу? — поинтересовался жировичок.

— По важному, — отрезал я.

— Понимаю... — Он многозначительно наклонил голову. Потом сложил губы хоботком и принялся озабоченно осматривать ребро своей правой ладони.

У него было круглое бабье лицо, острые, глубоко упрятанные глазки и седоватая гривка.

— Вот ведь как бывает, — доверительно обратился он ко мне. — С виду рука как рука...

— Чего надо? — прямо спросил я. — Видишь же — люди разговаривают! Чего ты лезешь со своей рукой?

Жировичок тонко усмехнулся и, понизив голос, проговорил без выражения и почти не шевеля губами:

— Ребром ладони могу вскрыть любой сейф...

— Что?!

В этот момент в коридоре показался майор — крупный светловолосый мужчина лет тридцати пяти. Поздоровавшись, он задержал взгляд на посетителе в мятом костюме, и в его серых глазах мелькнуло беспокойство.

— Вы опять ко мне? — вежливо, с еле уловимой запинкой спросил майор.

— К вам, Павел Николаевич! — отвечал, влюбленно на него глядя, вскочивший со стула жировичок. — Знаете, я сегодня всю ночь думал... Все-таки на учет меня поставить надо! Ведь если человек способен вскрыть сейф без помощи каких-либо инструментов...

Майор поморщился.

— Давайте лучше пройдем в кабинет, — предложил он.

— Конечно-конечно!.. — засуетился жировичок, и дверь за ними закрылась.

У меня потемнело в глазах.

Да что ж это за неvezуха такая! Прийти — раз в жизни, по делу, да по такому, что серьезнее не бывает, — и сразу же наткнуться... Нет, вы прикиньте, что теперь получается! Заходит к майору этот чокнутый и говорит: «Здравствуйте, я вот ребром ладони сейфы режу, поставьте меня на учет...» И тут же, следом, как нарочно, вхожу я, ввожу Гришу и говорю: «Здравствуйте, тут вот товарищ с другой планеты прибыл. Выговорить ее невозможно, где находится — он не знает. Документы у него настоящие, но краденые, а что фотография везде его, так это вам только кажется...»

Я вскочил со стула.

— Гриша! — хрипло сказал я. — Айда отсюда.

Но тут дверь кабинета отворилась и в коридор вышел разобитый жировичок. Быстро его майор...

— Ну? — с ненавистью бросил я.

— Все в порядке, — неохотно отозвался он. — Поставил на учет... Фамилию записал, адрес...

— А чего надутый такой?

Жировичок оскорбленно фыркнул.

— И здесь перестраховщики! — сердито помолчав, сообщил он. — Я, говорит, не могу доложить о вас начальству, предварительно не убедившись! Вот, говорит, вам мой сейф — режьте!..

— Ну? — еле сдерживаясь, процедил я. — А ты?

Жировичок опять фыркнул — на этот раз гневно.

— Неужели он сам не понимает? — с досадой сказал он. — Ну, разрезал бы я этот сейф, испортил бы казенное имущество, а отвечать кому? Ему же и отвечать! Станный он, ей-богу!..

— А ну пошел отсюда!.. — прохрипел я, и жировичка не стало.

На шум из кабинета выглянул майор.

— Вы тоже ко мне? — спросил он, не увидев нигде поставленного на учет посетителя. — Что ж вы не заходите?

Пришлось зайти. Мы отдали ему пропуска и опустились в предложенные нам жесткие полукресла, стараясь не смотреть в угол, где стоял небольшой серо-голубоватый сейф.

— Слушаю вас, — деловито и в то же время доброжелательно сказал майор. — Только представьтесь сначала..

Представились. Услышав, что перед ним резчики холодного металла, майор насторожился и как бы невзначай покосился на сейф.

— Я вас слушаю, — повторил он.

Я поднялся и, ни на кого не глядя, полез в свою спортивную сумку за вещественным доказательством. Вынул, поискал глазами какой-нибудь ненужный предмет и, не найдя, установил на краешке стола спичечный коробок. Майор с интересом следил за моими действиями. Я отрегулировал рычажком дальность, аккуратно прицелился..

И ничего не произошло. Коробок как лежал — так и остался лежать. Машинка не сработала. Впервые.

А ведь я знал, что она не сработает! Еще когда нажимал клавишу! Потому что не почувствовал электрических мурашек, бегущих от кисти к локтю. Вместо этого мурашки пробежали у меня по спине, но электрическими они не были.

— Не работает... — сказал я с тоскливым отчаянием и положил оружие на стол. Пропавший ты человек, Минька Бударин! На роду, что ли, так написано?..

Майор озадаченно разглядывал лежащий перед ним на столе большой ярко-оранжевый пистолет. Потом поднял глаза на меня.

— А работало? — живо спросил он.

— Не знаю, — сдавленно ответил я и сел, не чувствуя ничего, кроме страшной разламывающей усталости.

Подумав, майор снял телефонную трубку.

— Ты сильно занят? — спросил он кого-то. — Тогда загляни ко мне. Да, прямо сейчас. Тут, кажется, кое-что по твоей части..

Трубка легла на место, и почти в тот же самый момент в кабинет вошел хмурый темнолицый человек в штатском. Видно, у них кабинеты через стенку.

— Ну-ка, взгляни, Борис Иванович, — попросил майор. — Что это может быть?

Хмурый Борис Иванович, мельком глянув на нас с Гришей, поздоровался вполголоса и, подойдя к столу, принял оружие из рук майора. Не меняясь в лице, осмотрел, примерил к правой руке, к левой. Оказавшись в его огромных (больше, чем у меня) лапах, пистолет как-то сразу утратил свои внушительные размеры и стал еще больше похож на детскую игрушку.

— А как это к вам попало? — довольно равнодушно спросил Борис Иванович.

Я прокашлялся.

— Да у пацана отнял... у соседского... — выдавил я, не решаясь поднять глаза на Гришу. — А пацан в овраге нашел...

Борис Иванович кивнул и снова замолчал минуты на две. Майор ждал. Видимо, хмурый, загорелый дочерна человек был из тех, кого торопить не стоит.

— Ах, вот даже как... — пробормотал он наконец. — Значит, это — сюда...

Одним решительным и точным движением он сдвинул ствол, разъял рукоятку, вынул стеклянный экранчик, что-то вывинтил, что-то расключил... Как будто всю жизнь только и занимался тем, что собирал и разбирал такие вот штуковины.

Меня аж в спинку кресла давило, когда я увидел, что он делает. Вот убей — не решился бы разбирать!.. Да он бы и сам, наверное, не решился, если бы хоть раз увидел эту штуку в действии!

Борис Иванович разложил все детали на столе и удовлетворенно оглядел получившуюся картину.

— А почему вы обратились к нам?

— Так ведь... на оружие больно похоже...

Борис Иванович вставил одну деталь в другую и состыковал все это с третьей.

— Да нет, это не оружие, — заметил он, вкладывая то, что получилось, в рукоятку.

— Думаешь, игрушка? — спросил майор.

Борис Иванович словно не слышал. Он прилаживал ствол.

— Игрушка?.. — чуть погодя с сомнением повторил он. — Вряд ли... Тут ее, видно, до меня уже раза два разбирали и собирали. Внутри явно чего-то не хватает. Какой-то детали...

— Световой тир, — подсказал майор. — Такое может быть?

Борис Иванович прилаживал ствол.

— В прошлом году в город чехи приезжали с «Луна-парком», — задумчиво напомнил он. — У них там ничего не пропало из игровых автоматов?

— Могли и сами выбросить, — предположил майор.

— Могли, — равнодушно согласился Борис Иванович и положил собранный пистолет на стол.

Подумав, майор пододвинул к себе наши пропуска и аккуратно расписался на каждом.

— Ну что ж, спасибо. — Он вышел из-за стола и пожал нам руки — сначала мне, потом Грише. — Лишняя проверка, знаете, никогда не повредит. Правильно сделали, что пришли...

Отдавая Грише его пропуск, он обратил внимание на прикрытый челочкой желвак.

— А что это у вас?

— Производственная травма, — поспешил вмешаться я.
— Понимаю... — Майор сочувственно покивал.
— Забрать или пушкой здесь остается? — спросил я, с не-
навистью глядя на ярко-оранжевый пистолет.

Они переглянулись.

— Да нет, зачем же, — мягко сказал майор. — Конечно, за-
берите. Вещица неопасная, вдобавок сломанная... Отдайте паца-
ну, пусть играет...

Я запихнул пистолет в сумку, и мы с Гришей пошли к двери.
— Михаил Алексеевич!

Я обернулся — резко, с надеждой. Верни он меня, посади
опять в это кресло, спроси, прищурясь: «А если честно, Михаил
Алексеевич? Что все-таки произошло у вас с этой штукови-
ной?» — клянусь, рассказал бы!..

— Вы у меня на столе спички забыли, Михаил Алексеевич...

ГЛАВА 12

Как это все называется? А очень просто. Струсил Минька Бу-
дарин! Никогда ничего не боялся, а вот сумасшедшим про-
слыть — духу не хватило...

Выйдя из здания, мы пересекли трамвайную линию и углуби-
лись в парк. Шли молча. В левой руке у меня была сумка,
в правой — спичечный коробок. Потом я швырнул все это на
первую подвернувшуюся скамейку и сгреб Гришу за отвороты
куртки.

— Твоя работа?

— Ты что, Минька? Ты о чем?

— О пистолете, — процедил я. — Какой там внутри детали
не хватает?

— Да я же к нему не прикасался! — закричал Гриша, и я,
подумав, отпустил его. Ведь в самом деле не прикасался...

— Ладно, извини, — буркнул я. — Давай тогда перекурим,
что ли...

Мы присели на скамейку. Поодаль галдели пацаны и сереб-
рилась беседка, сделанная в виде богатырского шлема.

— Ты не расстраивайся, — сказал Гриша, глядя на меня
чуть ли не с жалостью. — В каком-то смысле там действительно
не хватало одной детали. Самой главной.

Я не донес сигарету до рта.

— А что за деталь?

— Коллектор, — сказал Гриша. — Не хватало камеры кол-
лектора. Пистолет — он как антенна, понимаешь? Ну вот пред-
ставь: человек не имеет понятия о радио, а в руки ему попала
антенна от твоего транзистора. Что он о ней подумает? Игруш-
ка. Раздвижная металлическая трубочка...

— Погоди-ка! — Я наконец сообразил. — Так это, выходит,
у них на корабле авария?

На какое-то мгновение мне показалось, что все еще поправи-
мо. Я почти видел этот застрявший где-нибудь возле отвала
в щелчке корабль.

— Все гораздо проще, — вздохнул Гриша. — Они улетели...

И пистолет этот, как ты его называешь, теперь в самом деле не больше чем игрушка.

— Улетели? — встрепенулся я. — Совсем?

Гриша молчал. В том конце парка, утопленное на треть в себристино-зеленую листву тополей, ожило «чертово колесо». Ярко-желтая кабинка всплыла над кронами и, очертив неторопливый полукруг, снова ушла из виду.

— Делать-то что будем? — хмуро спросил я.

— Жить... — ответил он со странной улыбкой. С той самой вчерашней улыбкой смертельно больного.

— И долго?

— Месяца полтора...

— Слушай, ты! — повернулся я к нему. — Ангелочек! Может, хватит, а? Вчера вон тоже хоронить себя собрался...

Я замолчал и долго к нему приглядывался.

— Слушай, а ты мне, правда, все рассказал?

— В общих чертах — все.

— В общих чертах... Так ведь ерунда получается в общих чертах, Гриша! Планета твоя — бог знает где. Каждый рейс, наверное, в копеечку влетает... Что ж ты за птица такая, если из-за тебя одного корабль через весь космос гоняют, людьми рискуют? Да они радоваться должны, что ты от них сбежал, — хлопот меньше!..

— Возможно, они просто не хотят чувствовать себя виноватыми...

— Перед кем?

— Перед вами. Фактически они упустили к вам своего преступника...

— А что это ты их все время выгораживаешь? — прищурился я. — Они тебе что, много доброго сделали?

— Я — особо опасный преступник.

— Дурак ты особо опасный!

Вот положение, а? А хуже всего то, что с нашей точки зрения Гриша-то ведь тоже не безгрешный. Как ни крути, а проник он к нам тайно, и паспорт у него чужой, хотя с другой стороны — поди докажи!.. Эх, майора бы сюда, да что теперь о майоре!.. Вовремя они смылись, ничего не скажешь! Как почувствовали...

— Слушай, — сказал я. — А этот механизм ликвидации... которым ты «приемник» уничтожил... Ты с ним раньше когда-нибудь дело имел?

— Ни разу.

— Так как же ты?..

— Не знаю, — сказал он. — Как-то все само собой вышло... Может быть, вместе с языком, в кресле...

Да, похоже, что так. Похоже, что в креслице этом Гриша много чему выучился...

— А ну-ка покажи, как ты там чего нажимал!

Гриша нацарапал прутиком на асфальте квадрат и разделил его на четыре части. Четыре квадратные кнопки впритык друг к другу. Левую верхнюю — раз, правую нижнюю — два раза, правую верхнюю и левую нижнюю — одновременно, и еще раз — левую верхнюю... Черта с два так случайно нажмешь!

Темная история, ох, темная... Нечаянно пришел к нужной двери. И в лабиринте этом не заблудился.. Нечаянно сел в кресло. И железяка, чтобы нишу с документами взломать, тоже там оказалась нечаянно...

— Может, ему просто подстроили побег?

Но тут я вспомнил вчерашнюю ночь: сквер, страх, чистые пятна на пыльном асфальте — и от сердца у меня отлегло. Не стали бы они за ним охотиться, если бы сами все подстроили... Значит, просто повезло Грише. Дьявольски повезло. Как мне вчера...

— Думал, поработаю у вас месяца два и уволюсь, — признался он вдруг. — Уеду куда-нибудь, там поработаю... Они бы меня долго так искали. А тут, видишь, как все вышло, и не уедешь никуда...

— Люська? — спросил я.

— Да, — сказал он. — И не только она. Все сразу... Раньше надо было уезжать, Минька. Теперь поздно уже...

Гриша слепо смотрел вверх деревьев, туда, где ужасающе медленно проворачивалось «чертово колесо».

И вот тут меня наконец взорвало.

— Ну и что? — постепенно наливаясь злостью, проговорил я. — Ну не повезло! Ну не сработала эта машинка, черт ее дер! Мне вон всю жизнь не везет — так что ж теперь, повеситься?!

Я вскочил. И в тот же самый момент пришла мысль. Вот всегда так со мной. Стоит разозлиться — и уже ясно, что делать дальше.

— Слушай, — сказал я. — Ну а, допустим, прилетает за тобой еще один корабль... Он тоже с этим... с коллектором?

— Насколько я знаю, все корабли с коллекторами.

— Все корабли с коллекторами... И что будет с этим... — я потыкал пальцем в сумку, — с пистолетом?

— Видимо, заработает.

— Заработает?.. — И я почувствовал, как по лицу расплывается глупейшая блаженная улыбка.

— Гриша! — сказал я. — Так какого же мы с тобой черта... Надо просто проверять эту машинку каждый день. Все время ее проверять! И как только заработает — все бросать и бегом к майору!.. Ангелы, да? Охотиться за нами, да? Ну, давайте-давайте...

Я уже был крепко взвинчен и расхаживал перед скамейкой, говоря без остановки.

— Брось, Гриша! — убеждал я его. — Чтобы два таких мужика — да не выкрутились? Со мной, Гриша, не пропадешь! Ты, главное, Гриша, не робей! Мы тебя научим на собаку лаять!

Домой мы вернулись часам к пяти.

— Да! — вспомнил я перед самой калиткой. — Ключ-то за бери. И не оставляй больше...

Слова мои поразили Гришу Прахова. Он взял у меня ключ

от своего шкафчика, стиснул его в кулаке, а кулак прижал к груди.

— Минька, — сказал он. — Можно, я задам тебе один вопрос?

— Ну, задай.

— Зачем я вам нужен?

Ничего себе вопросец!

— А черт его знает, — честно ответил я. — Вроде привыкли уже к тебе...

Дома нас ждал сюрприз. Заходим мы с Гришей в большую комнату, а на диванчике — рядышком и чуть ли не за руки взявшись — сидят мать и Люська, обе заплаканные.

Увидев Гришу, Люська вскочила, вскрикнула и кинулась к нему. Я, конечно, посторонился — того и гляди затопчут.

— Я так и знала, я так и знала!.. — всхлипывала Люська, вцепившись в бедного Гришу. — Я же чувствовала — что-то случится!..

Интересное дело, вяло подумал я. Мать — чувствовала, Люська — чувствовала... Один я ничего не чувствовал.

— Я его посажу! — всхлипывала Люська. — Я его посажу!..

— Кого? — спросил я.

— Бехтеря, кого же еще! — ответила за нее мать. Тоже всхлипывая.

— Какой Бехтерь, чего вы плетете? — сказал я. — Бехтерь к нему и близко не подходил.

Люська уставилась на меня бешеными зелеными глазами.

— Не подходил? А лоб почему разбит?

— Так это не Бехтерь, — объяснил я. — Это я ему рейкой заехал.

— Как? — в один голос сказали мать и Люська.

— Случайно, — буркнул я и пошел спать, хотя солнце только еще собиралось садиться. Пусть сами как хотят, так и разбираются.

Добравшись до койки, сел и долго смотрел на шнурки кроссовок — не было сил нагнуться и развязать... Но Люська-то, а? Ишь как вскинулась! Это потому, Люсенька, что у тебя никогда никого не отнимали... Надо же — сама прибежала!..

...Мне снилось вчерашнее сражение в старом сквере. Вернее, даже не само сражение — всего один момент: я сижу в проломе, стискивая штaketину, а они уходят — два ангела и Гриша между ними, — и серый полусвет льется им навстречу, и это уже не люди, а три плоских колеблющихся силуэта... Я заставляю себя броситься за ними — и не могу. Вот ведь какая штука: наяву не испугался — во сне боюсь...

Я просыпался и подолгу лежал, глядя в потолок и понимая с облегчением, что Гришу я все-таки отбил. Потом запускал руку под подушку, доставал пистолет и брал на прицел спичечный коробок. Нажимал на спуск, вздыхал, запихивал мертвую машинку обратно и снова оказывался в проломе со штaketиной в руках...

ГЛАВА 13

— Гринь, — сказал Сталевар с умильной улыбкой, — пока смена не началась, слетал бы за газировкой...

Все подождали, когда Гриша с чайником отойдет подальше, а потом повернулись ко мне.

— Ну и что он? — уже без улыбки спросил Сталевар. — Уезжать не раздумал?

Я взглянул на их озабоченные лица и вдруг понял, что должен был чувствовать Гриша в первые дни. Разные? Да по сравнению с ними мы — дворняжки! Мы — беспородные переулочные шавки, и каждая скроена на свой манер! А эти — на подбор, в рост, в масть, как доберманы-пинчеры на собачьей выставке!..

— Может, он недоволен чем? — прямо спросил бригадир. — Если разрядом — будет у него скоро хороший разряд... Ну нельзя его отпускать, Минька! Ты ж первый резчик — сам понимать должен. Сунут опять в бригаду кого попало! Или — тоже весело — впятером тыкаться!..

— Ты... это... — немедленно взволновался Старый Петр. — Ты, Валерка, знаешь... того... Впятером — не впятером... Чего ему уезжать? Ну ладно бы еще в техникум или учиться... А то ведь просто так, по дураости...

— Что у него там с первой женой? — спросил Валерка.

— Чего? — сказал я.

— Ну, жена его из дому выгоняла или не выгоняла?

— Не выгоняла, — ответил за меня Сталевар. — Он, говорят, сам от нее ушел. А теперь вот, видишь, родственники ее грозить приехали...

Я только очумело переводил глаза с Валерки на Сталеvara и обратно.

— Да шалопай он, ваш Аркашка! — рассердился вдруг Старый Петр. — Откуда Аркашке про Гриньку знать? И ты тоже, Илья... — заворчал он на Сталеvara. — Голова уж седая, а Аркашку слушаешь...

— Родственники... — презрительно пробасил Вася-штангист. — Какие там родственники? Тут в Бехтере дело. В раздевалке Гриньку без каски видели? Шишмарь у него на лбу видели? Чего вы суетитесь? Все уже улажено. Встретил я вчера Бехтерю, поговорил...

Все посмотрели на Васю. Бедный Бехтерь...

— Ну так как же все-таки? — снова спросил меня Сталевар. — Уезжает?

— Мужики! — сказал я. — Куда он от нас денется?

После обеда, когда возвращались из столовой, меня окликнула Люська. Что-то, видно, случилось. Невеста наша была вне себя — аж зеленые искры из глаз сыплются. Позади нее с потеряннм видом жался Гришка Прахов. И с чего это я взял, что они похожи? Так, слегка, может быть...

— Минька! — бросила Люська, глядя мне прямо в глаза. — С кем вы вчера дрались в сквере?

Я посмотрел на Гришу. Гриша Прахов ответил мне унылым взглядом и слабо развел руками.

— А друг с другом, — спокойно отозвался я. — Разве не понятно?

— Я серьезно! — сказала она.

Да уж вижу, что серьезно... Серьезней некуда. Надо понимать, проболтался Григорий.

— Я все рассказал Людмиле, Минька, — виновато пояснил он.

— А все — это как?

— Н-пу... в общих чертах...

— С кем вы вчера дрались? — еле сдерживаясь, повторила она.

— С инопланетянами, Люся, — сказал я. — Тут, понимаешь, за Гришей с его планеты прилетели... А что ты на меня так смотришь? Сама спросила...

— Минька! — голос у Люськи дрогнул от бешенства. — Мне твои шуточки еще с такого вот возраста надоели! С вот такого вот...

И она показала рукой, с какого возраста ей надоели мои шуточки. Потом резко обернулась к Грише.

— А ты учись у него! — зловеще посоветовала она. — Учись, он тебя много чему научит! Вместе шутить будете... Но только не со мной, понятно?!

Брызнула напоследок зелеными искрами — и пошла. Гриша дернулся было вслед, остановился и беспомощно поглядел на меня.

— Кто тебя за язык тянул? — сказал я. — Ну беги теперь, догоняй... Скажи: извиняюсь, мол, за глупую шутку, попал под дурное влияние Миньки Бударина...

— Но...

— Иди-иди. — Я развернул его и подтолкнул в спину. — А то перерыв кончится...

Да, вразумил меня жировичок, хорошо вразумил... Спасибо ему. Не попадись он нам тогда перед дверью кабинета — я бы ведь на рожон полез, я бы майора за грудки тряс, я бы до самого их высшего начальства дошел... Чтобы все поняли как следует — психи пришли: один — буйный, другой — тихий...

Перед тем, как снова включить пресс, я открыл инструментальный шкафчик, залез в него по пояс и, достав из-под ветоши ярко-оранжевый пистолет, проверил его. Молчит пока...

Домой со смены нарочно пошел через сквер — посмотреть, как там, после сражения. Накрапывал дождик. Чистые пятна от выстрелов исчезли, на пропашу скамейки и урны никто не обращал внимания. Наверное, один только я и помнил, что здесь стояла скамейка...

ГЛАВА 14

— Наташка-то развелась... — сказала мать.

Я даже не заметил, когда она вошла, — транзистор сильно орал.

— Наташка?.. — рассеянно переспросил я. — Какая Наташка?

Мать остолбенела.

— Наташка... — беспомощно повторила она, и я наконец отвлекся от разложенных на столе деталей.

— Развелась? — спросил я. — Давно?

— Да, говорят, недели две уже...

— Понятно... — сказал я, помрачнев. Вставил одну деталь в другую и состыковал все это с третьей.

Мать долго ждала продолжения. Потом подошла к столу и выключила транзистор.

— Ты жениться когда-нибудь думаешь? — прямо спросила она.

— Думаю, мать, думаю...

— Вижу, как ты думаешь! — сказала она, сердито наблюдая за тем, как детали в моих руках мало-помалу собираются в большой ярко-оранжевый пистолет. — Хоть бы Гриша на тебя, что ли, подействовал! У них-то с Люсей...

— Мать, — сказал я. — Ну ты же раньше Люську терпеть не могла.

— Мало ли что! — возразила она. — Раньше я ее не знала...

— Да пойми ж ты, мать... — сказал я с тоской. — Ну не до того мне сейчас!

— Да уж вижу, что не до того! Семьи нет, детей нет, а он сидит в игрушки играет!..

Повернулась и вышла. Я с досадой бросил собранный пистолет на стол. Развелась... Ну и развелась! Какая тут Наташка, когда мы с Гришей уже второй месяц вроде как на военном положении!

Тут я заметил, что одна деталька осталась лишней. Ну вот... Снова теперь разбирать...

Машинку изучил — не хуже своего пресса. Собрать-разобрать — с закрытыми глазами, хоть норматив сдавай, а как работает — убей не пойму... Вот она откуда, эта деталька. И все равно — какая-то она лишняя...

Мать говорит, характер у меня совсем испортился. Испортишься тут... И от Гриши проку никакого! Показать, где планета находится, — он не астроном, карту начертить — он не географ. Ну хотя бы приблизительно нарисуй: вот здесь океан, здесь материк... Не может. Ему этого знать не полагалось. А что тебе знать полагалось? Свою работу. Ну о работе расскажи! А что о работе?.. Стоял кнопки нажимал, за стеклышком прозрачные трубы ехали... Глаза б мои на него не глядели!..

А что это транзистор замолчал? Ах, да... Я шлепком вогнал трубчатую антенну в гнездо по шляпку и поднялся из-за стола.

Время было позднее. Взглянув вверх занавески, в одном из желтеньких окон соседнего дома я увидел дядю Колю. Вот еще тоже жертва... Нет, кроме шуток: здорово на него тот случай подействовал. Тихий стал старичок, задумчивый. Пенсию домой приносит до копейки, а уж сквер, наверно, за версту обходит...

А хуже всего то, что я так до сих пор и не понял, чего мне от этих ангелов ждать. Все клочками, ничего не стыкуется... Бежал Гриша легко. Слишком легко. Как будто нарочно отпустили... По доброте своей, по ангельской... Потом эта операция по изъятию. Умные люди так операцию проводят? Устроили, понимаешь, спектакль — штук пятнадцать одинаковых рыл вокруг

завода! И засада была дурацкая: у проходных ждали, у дыры... А если бы Гриша догадался в любом месте через стену махнуть? И как это тот ангел позволил, чтобы Бехтерь со своими чижиками ему морду набил? Опять по-ангельски? Врезали по правой — подставил левую? Или рассекреться боялся раньше времени?.. А я ведь помню, как тот, с пистолетом, шел через сквер. Жуть берет, как он шел. Профессионала-то за версту видно...

В Гришиной комнате пискнула койка. Я удивился и, прихватив пистолет, направился к нему.

— А я думал, ты Люську пошел провожать...

Гриша неподвижно сидел на койке, уставясь куда-то в угол.

— Я не имел права втягивать тебя в эту историю, — глухо сказал он. — И ее тоже...

Неужели он весь вечер так просидел — глядя в стену?

— Ну пойдешь повесишься тогда, — предложил я. — Чего уж теперь...

— Ты просто не представляешь себе размеров опасности...

— А ты меня не пугай. Я и так боюсь.

Он недоверчиво поглядел на меня.

— Правда?

— А то нет? — проворчал я.

Помолчали.

— До сих пор не пойму, — признался он. — Как тебе удалось тогда с ними справиться? Ведь это были Стражи, Минька! Понимаешь, они... Они — как десантники.

— Вот то-то и оно, — буркнул я. — Они — как десантники. А я — десантник. Бывший, правда... Почему Люську провожать не пошел?

Плечи его сразу опустились, взгляд потускнел — сидит, в стенку смотрит.

— Будет лучше, если мы с ней поссоримся...

— Поссоритесь?.. Ты с какого гвоздя сегодня сорвался?

— Если я вдруг исчезну... для нее это будет ударом.

— Ага... — сказал я, помаленьку приходя в себя. — Нормально... А раньше ты что же?

— Раньше она не относилась ко мне серьезно.

Вот так! А я думал, он ничего не понимает...

— Пойдешь завтра провожать! — бросил я. — И попробуй только не пойти! Провожалки обломаю, понял?

И, надо полагать, угроза моя на Гришу подействовала, потому что через пару дней подкрановый Аркашка разнес по цеху весть, что дело у Гриши с Люськой вроде бы идет к свадьбе. Да и Люська уже при встрече со мной не отворачивалась, а улыбалась. Ну и наконец поздоровалась однажды. Сама. Случилось это на улице. Как раз прошли дожди, асфальт подсыхал, листва блестела, как вымытая. Постояли, поговорили...

— А все-таки — с кем вы тогда дрались? — спросила она.

— С инопланетянами, — твердо сказал я.

Люська засмеялась.

— Ох, отлуплю я тебя когда-нибудь, Минька! — пообещала она. — Как в детстве лупила.

— Да уж лупила ты меня как в детстве! — возмутился я. — Это еще выяснить надо, кто кого лупил!

— А у качелей тогда?

— Интересное дело! — сказал я. — У качелей! Конечно! У меня тогда глаза были песком засыпаны...

Тут лицо у Люськи стало — не поймешь — то ли нежным, то ли озабоченным. Что она там увидела? Я обернулся. Полная молодая мамаша катила по просыхающему асфальту широкую детскую коляску с двумя близнецами. Прервав разговор, мы смотрели, как она обходит по краешку лужу, отразившись в ней вместе с коляской. Потом колесо чиркнуло по воде, и отражение немедленно порвалось в мелкие клочья.

— Что с Гришей, Минька? — каким-то надломленным голосом проговорила Люська.

— А что такое?

— Не знаю... — сказала она. — Аркашка говорит, он от жены сбежал. Врет, конечно... Но я же чувствую: Гриша от меня что-то скрывает. Минька! С кем вы тогда дрались?

— С женой Гришкиной, — сказал я.

В другой бы раз она мне этого не простила. Но больно уж денек стоял хороший. На Люську вообще погода сильно действует.

— Дурачок ты, Минька, — искренне сказала она. — Сколько тебя помню — всегда дурачком был.

— Ага, — бодро согласился я. — Дурачок. Иванушка-дурачок. Тридцать лет на печке лежал.

— И неграмотный вдобавок, — засмеялась она. — Это же не Иванушка, это Илья Муромец на печке лежал...

Кончался август. И я не знаю, в чем дело, но только после того разговора с матерью Наташка стала попадаться мне на глаза чуть ли не каждый день. Еле успевал на ту сторону переходить. Но однажды все-таки не уберется.

— Ну куда ты полез, Миша! — услышал я совсем рядом ее рассерженный голос и, вздрогнув, остановился. — Куда тебя понесло? Вернись сейчас же!

Это она со своим пацаном воевала. Увидев меня, растерялась.

— Миша?.. Здравствуй...

А губы — ну совершенно детские. И носик такой пряменький, аккуратный... Не то что Люскин рубильник.

— Привет... — осторожно отозвался я. — Как жизнь?

— Вот... погулять вышли... — ответила она.

Я смотрел на нее и соображал, что бы еще такое сказать.

— Я слышал, развелась ты...

— Развелась... А ты? Так до сих пор и не женился?

— Да некогда все, — сказал я. — Дела.

— Дела? Какие?

— Такие дела, что закачаешься, — хмуро ответил я.

— Скамейку нашу помнишь? — спросила она вдруг.

Я буркнул, что помню.

— Сменили ее. Новую поставили...

— Серьезно? — сказал я. — Надо пойти посмотреть.

Она жалко улыбнулась уголком рта.

— Чего уж там смотреть...

Замолчали. Наташкин пацан штурмовал ограду сквера — протискивался меж прутьев туда и обратно.

— А у меня день рождения скоро...

— И что? — насторожившись, спросил я.

— Приходи. Если сможешь, конечно...

Так... Потянули телка за веревочку... Не дурачок ведь, понимаю, в чем дело. Все прекрасно понимаю. Не дождалась, выскочила замуж, промахнулась, развелась, вспомнила, что Минька Бударин до сих пор не женат.

— Не знаю, в общем... — промямлил я. — Мы тут, понимаешь, как раз тридцатого всей сменой за грибами выезжаем...

Насчет грибов я не врал. Наши уже и туески подготовили, и автобус был заказан. Сам-то я, правда, ехать не собирался...

Кое-как унеся ноги, решил взглянуть на новую скамейку. Посидел на ней, потрогал гладкий брус, где раньше было вырезано крупно и глубоко: «НАТАША». Ладно. По грибы — так по грибы. За мной ведь тоже, как за Гришей, глаз да глаз нужен. Оставь меня в городе — возьму да и сорвусь на день рождения, кто меня знает!

Кто-то остановился передо мной, постоял немного и сел рядом. Я покосился на подсевшего и увидел, что это Бехтерь.

— Ну, здравствуй, — неприветливо сказал я ему. — Что? Лавки другой не нашлось?

Бехтерь снял фирменные очки и долго тер переносицу.

— Ну хоть ты бы мне, что ли, объяснил, — с тоской попросил он. — Бил я его тогда или мне это так, от злости померещилось?

— От злости, — сказал я.

Бехтерь усмехнулся. Что-то плохо он выглядел — то ли больной, то ли усталый.

— Ничего, — сказал он. — Она еще с ним наплачется...

— Это почему же?

— Наплачется, — упрямо повторил Бехтерь. — Вот увидишь. Я-то знаю, что он за человек...

— А ты-то сам что за человек?

Бехтерь вдруг ухватил меня за руку.

— Минька! — сказал он. — Не хотел я с ним тогда драться, веришь? Хотел подойти, поговорить по-людски, с глазу на глаз... Она ведь заявление из загса забрала, Минька! А он даже говорить со мной не хочет. Морду воротит, понимаешь? Простите, говорит, мы с вами не знакомы... Ах ты, думаю!..

Бехтерь задохнулся и умолк. Так это он, выходит, один на один отделал того... которого я потом рейкой? Ай да Валька! Как же надо было разозлиться!..

— Не того ты отлупил, Бехтерь, — сказал я ему. — Не Гришу.

Он вскинул голову.

— Что... правда?

— Правда, — сказал я.

Бехтерь подумал, потом уныло кивнул.

— И что он теперь? Этот, кого я... В суд на меня, да?

— Да нет, Бехтерь, — вздохнул я. — Никто на тебя в суд подавать не будет...

Первый раз в жизни я говорил с ним не раздражаясь. А может, меня и раньше раздражал не столько сам Бехтерь, сколько этот его дурацкий фирменный оскал.

— Кончай киснуть, Валька, — сказал я ему. — Сам понимаешь: ушла — значит, ушла. Другую найдешь.

— Не найду, — безразлично ответил мне Валька Бехтерь,

ГЛАВА 15

Наш автобус стоял у ручья на опушке, и огромная верба время от времени лениво проводила по его крыше кончиками узких листьев.

Я влез в автобус, и спавший на заднем сиденье шофер поднял голову.

— Свои, свои... — успокоил я его. — Спички только возьму...

Я пробрался к своей сумке и устроил в ней маленький переворот. Коробок, конечно, оказался на самом дне. Я разгреб продукты, переложил пистолет... и от кисти к локтю проскочили знакомые электрические мурашки.

Еще не веря, я торопливо установил на сиденье спичечный коробок, прицелился и утопил спусковую клавишу.

Коробок исчез.

Несколько секунд я тупо смотрел на глянцевый от чистоты край кожаного сиденья. Потом швырнул пистолет в сумку, ремень — через плечо, и вылетел из автобуса.

С трех сторон шевелился лес, огромный, просвеченный солнцем. Где мне их теперь искать, этих голубков? Я прикинул, на какое расстояние могли разбрестись грибники, и чуть не застонал...

Полчаса, не меньше, я бегал по лесу сломя голову и выспрашивал наших, не видел ли кто Гришу с Люськой. Дальше всех зашли — как нарочно!

— Гриша!..

— Чего тебе от него надо?

Я обернулся. Они стояли буквально в десяти шагах от меня. Видно, спрятались сначала за дубом, когда услышали мой голос, а потом сообразили, что Минька Бударин зря глотку драть не станет.

— Влипли, Гриша, — сказал я, подойдя. — Заработала...

Гриша Прахов побледнел и прислонил к дубу тонкий рогатый посошок.

— Когда? — еле слышно спросил он.

— Полчаса назад.

— Значит, скоро они будут здесь... — медленно проговорил он. — Ты ведь выстрелил, да? Они должны были засечь этот выстрел...

— Как? — разом охрипнув, сказал я. — Так они, значит, могут по выстрелу?.. А точно знаешь?

— Я предполагаю, — объяснил Гриша, — Если пистолет теперь связан с коллектором на корабле...

Я готов был его придушить.

— Вслух надо предполагать такие вещи! Вслух, а не в тряпочку!..

— Вы что, ненормальные оба? — спросила Люська. — Вы себя со стороны послушайте!..

— Люська! — сказал я. — Ради бога! Хоть ты не лезь!

— Опять инопланетяне? — недобро прищурясь, спросила она. — Опять!

На секунду мне показалось, что она сейчас размахнется и даст мне лукошком по голове.

— Люся, я все объясню... — заторопился Гриша.

— Не надо, — спокойно проговорила она. Взяла прислоненный к дубу рогатый посошок и пошла прочь. Отойдя на несколько шагов, оглянулась и добавила безразлично: — Поедем в город — в автобусе ко мне не подсаживайся...

Волосы ее на этот раз были заплетены в короткую толстую косу, и коса эта при каждом шаге с каким-то особым презрением качалась туда-сюда — рыже-золотой маятник с пушистой метелкой на конце.

Гриша двинулся было за ней, но я его удержал.

— Пусть идет, — бросил я. — Или ты ее тоже хочешь втянуть в историю?

Гриша испуганно затряс головой.

— Тогда давай думать, как нам быстрее в город попасть... Выйдем сейчас к автобусу...

— К автобусу? — жалобно переспросил Гриша, все еще норовя оглянуться на уходящую Люську.

Я чертыхнулся.

— Верно! Я ж как раз в автобусе выстрелил! Тогда вот что... Автобус обогнем, так? Выйдем по грунтовке к шоссе — и авто-стопом до города. Вперед!

Проскочив испятанную солнечными зайчиками поляну, мы наткнулись на Сталеvara. Похожий скорее на лешего, чем на грибника, он ворошил палочкой траву возле старого пня. Увидев нас, удивился.

— А ты откуда здесь взялся? — спросил он Гришу. — Аркашка говорит, он тебя в другой стороне видел.

— У шоссе? — похолодев, спросил я.

— Ну да... Еще, говорит, странно: Гриша — и вдруг без Люськи... Поссорились, что ли?

Мы с Гришей поглядели друг на друга. То есть пока я разыскивал эту парочку, ангелы успели перекрыть подходы к шоссе. Оперативно работают ребята...

— Слушай, Сталеvar, — сказал я. — Тут вот какая штука... Мы сейчас, наверно, с Гришей вернемся... Ну, дело есть в городе, понимаешь? Скажи Люське, чтобы Гришину сумку потом из автобуса забрала, некогда нам...

Сталеvar уставил на меня круглые глаза, ставшие в лесу еще желтее, и ухмыльнулся от уха до уха.

— Утюг забыл выключить?

— Ага, — сказал я. — Утюг...

Подлесок заслонил нас от Сталеvara.

— Ну что, Гриша? Тогда давай напрямик. Больше ничего не остается...

Напрямик... Чуть ли не двадцать километров пешком — сначала лесом, потом через овраги, через пашню... Да, близка дорожка! Дай бог к вечеру дойти. Майора, конечно, на работе уже не будет. Впрочем, у них там всегда есть дежурный...

— Стоп! — спохватился я. — А грибникам нашим они ничего сделать не могут?

— Нет, — отрывисто отозвался Гриша. — Они охотятся только за нами. Точнее — за мной...

Меня так и подмывало еще раз проверить пистолет, но сам понимал: нельзя. Хватит, и так уже засекли нас... А вот под рукой его держать на всякий случай надо. Когда-то он еще станет доказательством, а пока это — оружие. Я запустил руку в сумку и нащупал рукоять. Как там насчет мурашек? Вот они, родимые...

— А чего ты с пустыми руками идешь? — спросил я Гришу. — Ну-ка, стой!.. Хор-рошнй, однако, дрын! Как будто сам нас нашел...

Я оторвал приглянувшуюся мне полуотломленную сухую ветку — прямую, крепкую, толстую, как оглобля.

— Вот... — сказал я, отшибая лишние сучья. — А то висит дровина без дела...

Снова двинулись. Я раскрыл перочинный нож и на ходу принялся доводить дровину до ума.

— Наксстылять бы тебе по шее! — проворчал я, добравшись до особо прочного отростка. — Давай выкладывай, что ты там еще предполагал...

— Ничего я не предполагал, — хмуро сказал Гриша. — Мне самому только сегодня в голову пришло, что нас могут засечь по выстрелу...

Тропинка уводила нас все дальше и дальше от опасных мест. Вот где было грибов полно! Теперь они даже не прятались — чувствовали, видно, что нам с Гришей не до них.

— А вот интересно, — сказал я. — Если человек только наполовину в прицел попал... Пополам его не разорвет?

— Не знаю... — с нервным вздохом ответил мне Гриша. — Не разорвет, наверное...

Я закончил строгать и сложил ножик. Серьезная вышла дубина.

— На, держи, — сказал я. — В случае чего — в лоб! И не раздумывая, понял?

— По-моему, за нами кто-то идет, — сказал Гриша.

ГЛАВА 16

— Ну-ка спрячься, — приказал я. — Встань за дерево. Значит, все понял, да? Если что — в лоб!

Я достал пистолет и тоже отступил в сторону. Отрегулировал дальность, но заранее целиться не стал. Ангелы ходят бесшумно. Черта с два мы бы их услышали первыми.

И все же, когда ветки всколыхнулись, я не удержался и под-

нял оружие. Поднял и тут же опустил. Потому что из-за поворота тропинки выбежала растрепанная, запыхавшаяся Люська. В руках у нее уже не было ни лукошка, ни посошка. Коса на бегу расплелась, и теперь над Люськиной головой вставала рыжая туча спутанных волос. Увидев меня, Люська резко остановилась.

— Гриша?! — И задохнулась.

Гриша вылетел из-за дерева. В лесу стало очень тихо. Кукушка недалеко отсчитывала кому-то уже, наверное, вторую сотню лет. Люська не мигая смотрела на двух придурков: один — с пластмассовым пистолетом на изготовку, другой — с каким-то дышлом наперевес.

— Ну и какого черта ты за нами увязалась? — со злостью спросил я.

— Куда вы идете?

— В город.

— Зачем?

— Люська! — сказал я. — Пожалуйста! Иди к автобусу! Не до тебя сейчас...

— Я прошу тебя, Люся... — поддержал меня Гриша.

— Никуда я не пойду! — отрезала она. — Господи, да что же это такое! Все бросили, вещи бросили... Почему забрать сумку из автобуса?.. Я никуда не пойду, пока вы мне все не объясните, слышите?

— Что тебе объяснить? — взорвался я. — Ну, гонятся за нами! Гонятся, понимаешь?

— Кто за вами гонится?

— Инопланетяне! — рявкнул я. — С рожками! С ножками! С крылышками!.. Иди к автобусу!

— Не пойду!

Я открыл было рот и вдруг замер. Низкое, еле слышное жужжание прошло над деревьями и пропало где-то впереди. Нет, не пропало... Снизилось и загуляло между стволами, мало-помалу приближаясь к нам. Кукушку как обрезало. Я оглянулся на Гришу.

— Они? — одними губами спросил я его.

Гриша неопределенно потряс головой. Лицо серое, зубы стиснуты.

— Не знаю, — ответил он шепотом.

— Что ты вообще знаешь!.. — прошипел я, лихорадочно соображая, на какое расстояние мне поставить дальномер моей машинки.

Жужжание приближалось. Теперь уже было ясно, что оно идет напрямком на нас.

Гриша с Люськой стояли оцепенев — бери их голыми руками. Опомнясь, я толкнул их что было сил, и, отбежав шагов на десять от тропинки, мы втроем повалились в траву.

Жужжание выплыло из кустов, но я ничего не увидел. Звук двигался в метре над тропинкой, я мог указать пальцем, откуда он сейчас раздастся, но там ничего не было. Просто звук.

Быстро посмотрел на Люську. Не дай бог в обморок упадет — еще и ее на себе тащить!.. Плохо я подумал о Люське. Так она и позволила себе упасть в обморок! Побледнела, вцепи-

лась пальцами в ствол — чуть кору не сорвала, но выдержала, молодец...

Жужжание задержалось над тем местом, где мы только что стояли, потом снова двинулось и стало удаляться, но уже не по прямой, как раньше, а то и дело давая петли то в одну, то в другую сторону.

— Они... — хрипло сказал я, поднимаясь. — Сколько здесь живу, а такого ни разу не слышал... Ты когда-нибудь слышала?

Люська помотала головой. Вроде бы приходила в себя.

— Что это? — спросила она.

— Инопланетяне... — устало ответил я. — И Гриша твой — инопланетянин... Особо опасный преступник...

Она посмотрела на меня, потом на Гришу. Выражение лица у нее было самое жалобное.

— Не понимаю... — беспомощно сказала она.

— Люська! — взмолился я. — Ну не время сейчас! Я два месяца понять пытаюсь — и то до сих пор до конца не понял! А у нас нет двух месяцев! У нас минуты лишней нет, ясно тебе? Нам в город надо, к майору... Иди обратно, Люська! Иди к автобусу! Ну что нам, на коленях тебя просить?..

— Это очень опасно, Люся... — в огчянии добавил Гриша,

В лесу ожила кукушка. Сказала один раз свое «ку-ку», а повторить так и не решилась. Можно понять птичку...

— Куда обратно? — встрепенулась Люська. — Туда? Я теперь туда не пойду!

— Да не тронет оно тебя! — сказал я. — Ты-то здесь при чем?

Чуть запрокинутое лицо ее на секунду застыло, и я вдруг подумал с тоской и совершенно не к месту, что Люська иногда — вылитая Наташка... Нельзя нам ее с собой брать. Во-первых, в самом деле опасно, а во-вторых, попробуй угадай, что она отчудит в следующий момент...

— Я иду с вами! — решительно сказала Люська. — Только сначала вы мне все расскажете!

Ну вот... Так я и знал! Вне себя я выхватил из пачки сигарету и, не найдя в левом кармане спичечного коробка, полез в правый.

— Люська!.. — начал я.

— Я иду с вами! — Она повысила голос,

Ну вот что ты с ней будешь делать!

— Ладно, — буркнул я. — Гриша тебе по дороге все расскажет... Только громко не болтать, ясно? Гриша, где дрын? Я для чего его строгал? Чтобы ты его под деревом бросил?..

Недовольный, я выбрался на тропинку и зашагал, перекатывая в губах незажженную сигарету и машинально хлопая себя по всем карманам. Были же спички... Может, я их опять в сумку кинул?

За спиной у меня — сбивчиво, взахлеб, наперебой — говорили Гриша и Люська. Я не слушал. Вернее, слушал, но не их. Пока вроде ничего подозрительного... Будем надеяться, что ангелы нас потеряли.

Да что за черт — и в сумке тоже спичек нет! И тут я наконец вспомнил. Я же их собственными руками отпра-

вил на корабль к ангелам! Ну не дурак, а? Полный коробок!.. Я остановился, и разговор у меня за спиной мгновенно смолк. Обернувшись, я увидел, что Гриша с Люськой смотрят на меня во все глаза.

— Спички есть у кого-нибудь? — спросил я.

Они даже не сразу меня поняли. Напугал я их своей остановкой.

— Ненормальный, — еле выговорила Люська. — Разве так можно? Чуть сердце не разорвалось...

— Да что ты мне про сердце! — сказал я. — Спички у тебя есть?

— Нет у меня спичек! — отрезала она.

— А я не курю, ты же знаешь, — добавил Гриша.

Тоже мне грибники! В полном расстройстве я засунул сигарету в папку. Это что же я теперь, до самого города без курева буду? Совсем весело...

Некоторое время Гриша с Люськой молчали. Потом заговорили снова.

— Похожа на меня?.. — упавшим голосом переспрашивала Люська. — Очень похожа?..

Я так понимаю, что, когда выйдем на майора, она о Гришиной планете больше меня знает будет...

Переход до Глубокой балки сожрал у нас почти весь остаток дня. Отвык я от таких маршей. Ну куда это — почти десять километров пешком отмахать! Хорошо хоть без приключений. Вот только шмели нас часто пугали — жужжат по-уже...

А приключения начались сразу же за Глубокой балкой.

Напрямик по стерне мы идти не отважились и решили просочиться по тонкой ниточке лесопосадки. Жужжание навалилось внезапно, сверху. Мы попадали на землю, и оно пошло кружить, становясь все громче и громче. Потом я — по какому-то наитию, не иначе — лег на пистолет брюхом, и звук остановился как бы в нерешительности. Поплутал по кустам смородины и, взвыв, ушел в поле. Некоторое время мы лежали неподвижно. Потом я сдул прилипший к губам жухлый листок и сел.

— Гриша, — позвал я. — Знаешь, в чем дело? Пистолет оно чувствует, вот что...

— Очень может быть... — отозвался он, тоже приподнимаясь.

— Но ведь я же не стрелял...

Гриша пожал плечами и не ответил.

— Да выбросьте вы его! — сказала Люська, с ужасом глядя на ярко-оранжевую игрушку.

— Нельзя, Люська, — с тоской проговорил я. — Никто нам без этой машинки не поверит...

ГЛАВА 17

Огромное тяжелое солнце, вишневое, как остывающий металл, почти коснулось краешком горизонта, когда мы втроем вышли наконец к старому щелкарью, Пологий, несколько раз

оползавший склон весь порос ковылем и клубился при малейшем ветерке. Мы стояли как будто на краю облака и смотрели на показавшийся вдаль город.

— Я, наверное, схожу с ума, — жалобно призналась Люська. — Что это там? Вон там, видите?

Внизу шевелились тростники, далеко впереди посверкивала вода. А метрах в трехстах от нас на каменистой, словно нарочно кем-то выровненной площадке стояли рядышком скамейка и бетонная урна. Солнце осветило их напоследок, и они были очень хорошо видны вдаль — крохотные, будто игрушечные.

— Зря мы тут маячим, — хмуро сказал я. — Давайте-ка отойдем...

Мы отступили от уходящего вниз склона и присели в ковыль. Кажется, из всех возможных маршрутов я, как всегда, выбрал самый неудачный. Ну показался город, а толку? Теперь между нами и майором лежал заброшенный щекбарьер. Обходить его по краю вдоль обваловки — это только к утру дойдешь. Напрямик идти, по дну?.. А если ангелы опять окопались в щекбарьере? Тут в тростниках не то что корабль — целый космический флот можно спрятать...

— Минька, — позвала Люська. — А этот ваш штаб... Он ведь где-то здесь, правда?

Я смотрел на нее, соображая. Люська имела в виду пещерку, которую мы с одним пацаном открыли, углубили и оборудовали еще бог знает когда — лет пятнадцать назад.

— Не влезем мы туда втроем, — сказал я. — Да он уж, наверно, и обвалился давно...

Солнце наконец коснулось дальней кромки щекбарьера. Плохо. Насколько я знаю, ангелы как раз по ночам и работают.

— Ладно, пошли вниз, — решил я. — Только пригнувшись — в рост не вставать...

Мы спустились на дно щекбарьера и двинулись вдоль клубящегося ковыльного склона. Он становился все круче и круче — видно, грунт потверже пошел. Ковыль скоро кончился, и теперь справа от нас тянулась голая глинистая стена. А слева — тростники. Тоже стеной.

— Вроде здесь... — сказал я, останавливаясь.

Вроде... В том-то и дело, что вроде! Вроде и место — то самое, и пещерка — вот она, и ступеньки вырублены в грунте — я сам их когда-то вырубал и укреплял дощечками...

Не могли эти ступеньки сохраниться за пятнадцать лет. Их бы уже сто раз дождями смыло. И потом, я же хорошо помню: никаких колышков я перед дощечками не вбивал. Это уже кто-то, видать, после меня поработал.

— Гриша, — тихо сказал я. — А ангелы ее никак занять не могли? Ну, там под «приемник» какой-нибудь...

Гриша с сомнением поглядел на земляные ступеньки и покачал головой.

— Отойдите-ка в сторонку... — попросил я и, достав из сумки пистолет, пошел по ступеням вверх.

Стоило мне заглянуть в пещерку, как все сразу стало понятно. Пацаны, пришедшие сюда после нас, догадались укрепить потолок досками на подпорках, как в шахте, и углубили пе-

щерку настолько, что в ней теперь могли уместиться уже не три человека, а все десять. Ну точно — пацаны! Уж я-то как-нибудь детскую работу от взрослой отличу! Гляди-ка, и мебель тут у них появилась: два ящика, табуретка... И не лень ведь было из города тащить!

Ну что ж, спасибо, ребята, выручили.

Я выглянул наружу и позвал Гришу с Люськой. Оказавшись в пещерке, они сразу же забились в дальний угол и снова заговорили — тихо, взволнованно, неразборчиво. Я расположился на табуретке поближе к выходу. Еще раз достал сигарету и попробовал затянуться просто так... Вот подлость, а? Хоть трением огонь добывай! Я спрятал сигарету и задумался.

Как ни крути, а придется здесь заночевать. Хорошо еще, что мать на два дня к сестре уехала, а то бы она уже там с ума сходила...

И опять все из-за Наташки! Не попадись она мне тогда возле сквера — и не поехал бы я ни за какими грибами! И сам бы не поехал, и Грише бы запретил...

— А если поймают? — со страхом спрашивала у меня за спиной Люська. — Что они с тобой сделают? Как с ней, да? Все забудешь, да? Меня забудешь?.. И станешь как робот? Делать что прикажут?..

Гриша отвечал еще тише и уж совсем неразборчиво. Щекбарьер наполнялся синевой, света в пещерке становилось все меньше. Вдобавок к ночи холодало, и меня мало-помалу начал пробирать озноб.

Очень мне все это не нравилось. И то, что мы застряли в щекбарьере, и что заночевать придется... А больше всего мне не нравилось то, что пещерка не имеет второго выхода. Приходи и выливай нас отсюда как сусликов...

По-моему, я уже дрожал не только от холода. Потом обратил внимание, что в пещерке тихо. Гриша и Люська молчали.

Я повернулся к ним, хотел сказать что-нибудь ободряющее, и тут мы снова услышали жужжание. Оно явно прощупывало склон, метр за метром приближаясь к нам. Вот и дождались! Я сунул пистолет за пазуху и скорчился на табуретке, уткнув подбородок в колени.

Прошло мимо... Нет! Вернулось. Остановилось перед входом в пещерку... Мы давно уже не дышали. Постояло, повысило тон и осторожно начало протискиваться внутрь...

Света в пещерке, можно сказать, не было, а все же я (уж не знаю, каким образом, кошачье зрение прорезалось, не иначе!) увидел, что Люська изо всех сил зажимает себе рот обеими руками. Я увидел ее страшные, черные на белом лице глаза и понял, что это конец.

Правая — свободная — рука судорожно зашарила по неровному земляному полу и ухватила деревянный ящик. Пистолет давно уже не казался мне оружием, во всяком случае — против этого...

Но тут оно попятилось, постояло с минуту перед пещеркой и двинулось дальше. Отойдя метров на сто, взмыло и, истончась до комариного писка, растаяло над щекбарьером.

Я не знаю, сколько мы еще сидели, боясь пошевелиться. А потом я услышал всхлипывания. Плакала Люська.

— Гады!.. — изумленно выдохнул я. — Ах вы гады!..

Страшные черные ругательства готовы были хлынуть горлом, но я заставил себя замолчать. Почудилось вдруг, что ненависть эту нельзя растрачивать вот так — попусту, в воздух...
Время шло. Серое пятно входа исчезло, было черно, как в печке.

— Не смей! — вскрикнула сзади Люська. — Не смей, слышишь? Минька!..

— Что там у вас? — Я обернулся и ничего не увидел.

— Он хочет выйти! — в ужасе сказала она. — Он хочет сам!..

— Сидеть! — сказал я в темноту. — Ушибу дурака!..

— В конце концов они охотятся не за вами, а за мной! — ответил мне срывающийся Гришин голос. — При чем здесь вы?

Я не дал ему договорить.

— Нас решил спасти, да? Ну спасибо тебе, Гриша! За каких же сволочей ты нас с Люськой держишь, а? Да на кой нам черт такое спасение!

— Что я без тебя делать буду... — начала было Люська и смолкла.

Вдалеке по щелчке выключателя гуляло еле слышное жужжание. Нет, на этот раз, кажется, послышалось... Нет, не послышалось! Жужжит, зараза...

На плечо мне легла Люськина рука и, быстро скользнув вниз, потянула из моих пальцев пистолет.

— Ты чего? — испуганно спросил я и поднялся. Мы стояли, пригнувшись и все же упираясь головами в потолок. Люська слабо, но настойчиво тянула пистолет на себя.

— Я пойду... — Она словно бредила. Мы стояли лицом к лицу, почти соприкасаясь лбами, и, однако, я еле мог ее понять — так тихо она говорила. — Отойду подальше... и выстрелю...

— Молодец, — сказал я, отбирая у нее пистолет. — Умница... Никуда ты не пойдешь. Гриша, ты где?

Гриша стоял рядом и напряженно вслушивался. К счастью, он, видно, не разобрал, о чем мы. Иначе бы снова полез приносить себя в жертву.

— Где дрын? — спросил я. — Опять бросил? Я же сказал: из рук не выпускать! За Люську отвечаешь, понял? А я пока пойду разведу, что и как... Нельзя здесь больше оставаться.

Черт, а вылезать-то страшновато... Я заставил себя выбраться из пещерки и оглянулся.

— Сидеть и ждать меня, — сказал я тихо. — Гриша, все понял?..

ГЛАВА 18

Я соврал ребятам. Скажи я им правду — они бы вцепились в меня и никуда бы непустили. Я собирался сделать то, чего не разрешил Люське: отойти подальше и выстрелить. Пускай тогда за мной за одним поохотятся...

Но они уже охотились за мной. Оранжевая игрушка так и притягивала к себе — жужжание наплывало из темноты то справа, то слева. Я ложился на землю, машинку — под брюхо, и жужжание промахивалось. Я выжидал, пока оно уплывет подалее, вставал, а шагов через двадцать все начиналось сначала.

И все же лучше было вот так играть с ними в кошки-мышки посреди ночного щекбарьера, чем сидеть в этой проклятой пещерке и ждать, когда за тобой придут... Да и потом — не со смертью же я в конце концов играю! Это локатор. Это всего-навсего локатор. Ну засекут они меня, ну прибегут... А там мы еще посмотрим, кто кого! Я ведь старый щекбарьер на ощупь помню — мы его пацанами весь излазили!..

Откуда же я знал, что это будет так страшно?! Оно накрыло меня на железнодорожной насыпи. Я шел по трухлявым, без рельсов, шпалам, чувствуя, как огромная невидимая рука шарит вслепую по щекбарьеру. Вот она подбирается ко мне сзади... Спрыгивать с насыпи было поздно, и я упал прямо на шпалы.

Какое, к черту, жужжание — теперь это был рев!

Сотрясая насыпь, оно прошло по моей спине. Такое ощущение, как будто с тебя — без боли — сдирают кожу от пяток до затылка. Сдирают и скатывают в рулон.

Я был оглушен, раздавлен, я даже не знал, жив ли... Пошевелился, понял, что жив, и долго еще лежал, всхлипывая и уткнув лицо в пыльную сухую землю между шпалами.

Дядя Коля рассказывал: немцы в войну вместе с бомбами сбрасывали пустые бочки из-под бензина, насверлив в них дыр. И бочки выли, падая. Выли так, что люди сходили с ума...

Я поднял голову и увидел прямо перед собой облачко золотистой пыли, встающее над черным краем щекбарьера. Это светился ночной город. Мой город...

И вдруг лицо мне обдало жаром, как от неостывшего стального листа!

Меня, Миньку Бударина, выливают из норки, как суслика! Меня гонят по щекбарьеру! Я сюда пацаном играть бегал, а вы меня — по моему щекбарьеру? По моей земле?..

— Сволочи! — прохрипел я, поднимаясь в полный рост. — Ну, где вы там? Ну! Ангелы поганые!..

В щекбарьере было тихо. Жужжание, словно испугавшись, умолкло совсем. Я чувствовал, что еще минута — и я начну палить куда попало, пока не набью грунтом доверху паскудную камеру их паскудного коллектора!..

И тут пришла мысль. Страшная. Сумасшедшая. Я остолбенело уставился на светлую даже в этой темноте линзу моей машинки и медленно, на ощупь, перевел рычажок на самый широкий захват.

Повернул оружие стволом к себе и отнес руку как можно дальше. Нет, не получается...

Тогда я спустился с насыпи, сел, скинул с правой ноги кроссовку, сорвал носок и установил перевернутый рукояткой кверху пистолет в щели между камнями. Большой палец ноги еле пролез между спусковой клавишей и клювообразным при-

крывающим ее отростком. Я скорчился, чтобы попасть в прицел целиком, и поглядел в слабо тлеющую и как бы дышащую линзу. Я давно уже забыл о пещерке, о Грише с Люськой, даже город, мерцавший на горизонте, словно бы погас. Остались только ненависть, темнота и круглый немигающий глаз дьявольской игрушки. Вот оторвет ногу к чертовой матери...

«Что же я делаю?!»

Я выругался шепотом и нажал пальцем босой ноги на курок.

На секунду меня обдало не то жаром, не то холодом — чем именно, не разобрал, слишком уж быстро все случилось. Насыпь, на которую я опирался спиной, исчезла, и я, потеряв равновесие, повалился на гладкий пол, вскинув босую ногу. Целую и невредимую. Ну что ногу не оторвало — это я еще понять могу. А вот то, что на ней подобно раку, защемив большой палец, все еще болтался пистолет... Впрочем, удивляться мне было некогда. Я сорвал пистолет с ноги и вскочил. Стены кругом. Вот она, камера коллектора...

Не раздумывая, я двинулся прямо на стену, как будто ждал, что она передо мной расступится. Не расступилась. Грубая броневая плита без единого шва. Приблизительно на уровне глаз она была побита и чуть вдавлена, словно ее пытались уже то ли проломить, то ли проплавить. Потом я обратил внимание, что машинка моя мертва. С какой бы силой я ни стискивал рукоять пистолета — мурашек не было. Все правильно. По логике он и не должен действовать в камере коллектора. Должен сработать какой-то предохранитель...

И куда же это я себя загнал?.. Трогая ладонью грубый металл стены, я обошел камеру кругом и снова остановился возле выбоины.

Постой-постой... Предохранитель?

Сам не знаю, что это на меня такое снизошло, но в следующий миг я уже сдвинул ствол, разъял рукоятку, вынул стеклянный экранчик... Стоп! Дальше можно не разбирать. Вот она, деталька, на виду...

Я подковырнул ее лезвием перочинного ножа, и, полупрозрачная, словно наполненная светом, она выпала на пол и разлетелась под ногами в мелкую стеклянную крошку.

Медленно, опасаясь коснуться ненароком какого-нибудь контакта, я вставил на место экранчик и состыковал рукоятку. Задвинул ствол до упора — и в тот же самый момент брызнули мурашки...

Я поспешно вскинул пистолет к выбоине в стене и утопил спусковую клавишу.

Интересно, рискнул бы я тогда выстрелить, зная наперед, что из этого выйдет? Ох, сомневаюсь...

Грохот? Скрежет? Шипение?.. В жизни своей я не слышал звука страшнее. Пол вывернулся у меня из-под ног, и я кубарем полетел вперед — в искрящую электрическими разрядами черноту...

...Я полулежал-полусидел на гладкой, волнообразно изогнутой поверхности, а в метре от моего плеча трещало и сыпало искрами короткое замыкание. В его синеватом, вспыхивающем и гаснущем свете я увидел перед лицом грозный блеск обнаженного металла, словно кто-то держал у моего горла огромное кривое лезвие.

Боясь пошевелиться, я скосил глаза вправо. Там, отражая какой-то бледный полусвет, изгибались еще два таких же лезвия. Осыпаясь искрами, я начал осторожно протискиваться туда, вжимаясь спиной в гладкую, наклоненную от меня стену. Добравшись, понял, что свет сеется из глубокой прямоугольной ниши, до нижнего края которой я вполне достаю рукой.

Кое-как забравшись в нее, я смог наконец оглядеть целиком мерцающую металлом конструкцию.

Представьте себе клубок... нет, не клубок — путаницу огромных и, как мне показалось, стальных лент, каждая шириной до полутора метров, а толщиной... Плита. Броневая плита. Причем это была не беспорядочная груда лома — ленты изгибались правильно, красиво, металл клубился, образуя что-то вроде гигантского цветка...

Потом до меня дошло, что ниша, в которой я сижу, — вовсе не ниша, а скорее тупичок, оставшийся от какого-то коридора. Остальное было отхвачено напрочь — наискось, как бритвой..

И лишь после этого я понял, что произошло.

Передо мной мерцала металлом камера коллектора, пожравшая сама себя, вывернутая наизнанку моим последним выстрелом. Я посмотрел в самую гущу оцепеневшего стального смерча и содрогнулся, представив, что стало бы со мной, будь я в него затянута...

Кстати, машинка, каким-то образом не оброненная во время всех этих кувыркков и падений, снова была мертва. Теперь уже навсегда.

Стены тупичка медленно гасли. Единственная целая стена на треть ушла вбок да так и осталась в этом положении, так ее и заклинило... Тут я вспомнил наконец, зачем я здесь, и тяжело поднялся на ноги. Пролез в вертикальную полуметровой ширины щель и оказался в другом коридорчике, стены которого болезненно трепетали синеватым бьющимся светом. Одна лишь торцевая стена сияла ровной медицинской белизной. Я шагнул вперед, и она исчезла — скользнула в пол, открывая мне путь в глубь корабля, к самому их горлу...

...Мне бы только до вас добраться, а там — хоть волк траву ешь!

Припадая на босую ногу, я шел сквозь корабль, и стены едва успевали отскакивать — вверх, вниз, в стороны... Последний тупик, последняя расступившаяся переборка — и я ворвался, прихрамывая, в круглое помещение с пультами вместо стен.

Навстречу мне вскочили двое — ангелы. Один молодецкий — таким, наверное, Гриша был лет в семнадцать. Другой пожилой, с тусклыми волосами, — таким, наверное, Гриша будет лет в пятьдесят... Нет, вру! Никогда он таким не будет! Нико-

гда живое Гришкино лицо не станет такой вот неподвижной даже во время испуга маской...

Секунду мы смотрели друг на друга: аккуратные, подтянутые ангелы в чистеньких комбинезончиках и я — расхристаный, грязный, одна нога — босая, в руке — тусклый от пыли пистолет.

— Что, чижики? — выдохнул я наконец. — Не ждали?..

ГЛАВА 19

Они выхватили оружие одновременно. Я увидел две тусклые мертвые линзы, и губы мои повело в злобной усмешке. Так стальные листы ведет после отжига.

Им хватало доли секунды понять, что машинки их сдохли и что они оба стоят передо мной безоружные. Я сделал шаг, и ангелы попятились.

Припадая на босую ногу, я подошел к плоскому, как стол, пульта в центре рубки и с маху грохнул белесый от пыли пистолет об его чистенькую гладенькую поверхность. Сел в капитанское — или какое там? — кресло и, подавшись вперед, бесно устоялся на пожилого.

— Доигрались? — с ненавистью выговорил я. — Допрыгались, ангелочки?..

Я знал, что живым мне отсюда не уйти. А еще я знал, что начну вот с этого самого пульта в центре рубки. Жаль только — ничего тяжелого нет под рукой... Ладно! Кулаками буду расшибать, головой, чем попало!..

— Как вы проникли сюда? — с запинкой спросил пожилой ангел по-русски.

— Не твоё собачье дело! — прохрипел я.

— Простите?..

На их смуглых лицах стлы растерянность и страх. И я понял вдруг, что на корабле нас всего трое: я и они. А остальные, видно, в разбеге — Гришу ищут...

— Слушай, ты! — сказал я пожилому. — Если кто-нибудь из вас хоть пальцем Гришу тронет — не жить тебе, понял? И ангелочкам твоим — не жить! Так им и растолкуй!..

Он не слушал меня. Он смотрел на мою растопыренную пядерню, упершуюся в приборную доску.

— Я прошу вас не трогать пульт!

В голосе его была тревога. Я поглядел на клавиши, и что-то остановило мое внимание. Что-то очень знакомое... Вот оно! Четыре квадратные черные кнопки впритык друг к другу. Те самые кнопки, которые Гриша нацарапал когда-то прутиком на асфальте. Меня обдало со спины такой волной озноба, что я даже выпрямился в кресле...

Следя за тем, как у пожилого меняется лицо, я наклонился к пульта и надавил первую кнопку.

Верхнюю левую — раз, нижнюю правую — два раза, верхнюю правую и нижнюю левую — одновременно... Теперь осталось — верхнюю левую...

Мой палец остановился в сантиметре от кнопки.

— Нажать?.. — сипло спросил я.

Пожилой был бледен.

— Вы тоже погибнете, — быстро предупредил он.

— Ага... — Словно вся пыль шебкарьера осела у меня в горле. — С тобой за компанию... А народ-то твой весь — в поле... А вернуться-то им будет некуда... Вот такие дела, дядя...

Смуглое лицо пожилого ангела окаменело. Несколько огоньков на пульте бились, как в истерике, исходя прерывистым мушинным звоном. Надо полагать, с того самого момента, как я нажал в камере коллектора спусковую клавишу моего пистолета.

— В общем, так... — сказал я. — Слушай сюда... Вы сейчас собираете манатки...

— Простите?..

— Собираете манатки! — яростно повторил я. — И исчезнете отсюда к ангельской вашей матери! Слушай сюда! — заорал я, заметив, что он опять хочет переспросить. — И если я еще раз увижу здесь ваши одинаковые морды... или услышу эту вашу гуделку!..

Дальше я говорить не мог — перехватило дыхание.

— ...пожалеете, гады! — просипел я из последних сил.

— От чьего имени вы говорите?

— Какая тебе разница?

— Я прошу вас уточнить. Вы представляете государство?

— Да, — выговорил я, глядя ему в глаза. — Представляю государство.

Я сидел, закинув ногу за ногу, и качал перед ним грязной босой ступней. А что мне было терять?

— Я прошу правильно понять нас, — сказал пожилой, — Мы не имеем целью вмешиваться в вашу жизнь.

— Чего ж тогда вмешались?

— У вас пребывает наш человек. Мы имеем целью вернуть его обществу.

— Перебьется ваше общество!

— Простите?..

— Гришу вы не получите. Все! Точка!

Ангел соображал.

— Не понимаю... — проговорил он тихо и встревоженно. — Он представляет для вас какую-нибудь ценность?

— А для вас?

Ангел не ответил. У него было изможденное лицо. Он как-то сразу растерял всю свою молоджавость и словно дряхлел на глазах...

— Мы принимаем ваши условия, — услышал я усталый до безразличия голос пожилого ангела,

— Условия?

Он даже не удивился вопросу.

— Вернуть на корабль наших людей. Кроме преступника. Покинуть планету. Не возвращаться. Разве я неправильно вас понял?

Я смотрел на него не отрываясь. Ангел не шутил. Ему было явно не до шуток. И он предлагал мне... Черт возьми, он предлагал мне жизнь!

Ни с того ни с сего я вспомнил вдруг, что не знаю, сколько

сейчас времени, и, может быть, вечеринка еще не кончилась, и Наташка, растерянно улыбаясь, бродит среди гостей...

Уйти с корабля живым! Живым...

— Ну вот что... — тоскливо оскалась, выговорил я. — Никуда я отсюда не уйду, понял? Буду сидеть и буду держать палец на этой вот кнопке. Пока ты мне все как есть не выложишь! А там посмотрим...

Он выслушал меня с полным равнодушием.

— Разрешите мне сесть, — попросил он.

Получив разрешение, опустился на выскочившее откуда-то из стены сиденье и долго молчал, как бы собираясь с силами.

— Что вас интересует?

— Почему вы все на одно лицо?

Ангел удивленно поднял голову.

— Простите?..

Пришлось разжевать.

— Я понял ваш вопрос, — сказал он. — Мы кажемся вам одинаковыми. Это естественно. Просто вы имеете дело с представителями чистой расы.

— Что ж у вас там, одна раса на всю планету? Других не было?

— Странно, что вас это интересует, — заметил он. — Да, конечно, были и другие.

— И что с ними стало?

— Вымерли.

— Почему?

У пожилого ангела был озадаченный вид.

— Вымерли — то есть были нежизнеспособны, — объяснил он.

— Может быть... неполноценны? — сразу подобравшись, спросил я.

— Да, благодарю вас, — вежливо отозвался он. — Неполноценны.

...Правильно я их понял. Еще тогда, в сквере. Как только в первый раз личики их ангельские увидел!

— А у нас вам какого черта надо?

— Но ведь я уже объяснил вам. Мы имеем цельюю...

— Да не сейчас! Раньше! Что здесь делали ваши наблюдатели? Почему вы их вдруг отозвали? Из каких таких этических соображений?

Он ответил не сразу. Верно, выбирал, с какого вопроса начать. Ангелочек стоял у стенки чуть ли не по стойке «смирно», и лицо у него было не выразительнее пульта.

— Два года назад, — заговорил наконец пожилой, — когда все сведения, полученные от наших наблюдателей, были обработаны и выяснилось, что, атаковав Землю, мы неминуемо теряем...

Мне показалось, что я гложу. Ровный тусклый голос пожилого ангела уплыл куда-то, стал еле слышен. Остались звучать всего два слова. Два простых оглушительных слова. Атаковав Землю.

— Повтори! — хрипло потребовал я.

Он повторил и встал. Меня подняло с кресла, и ангелы от-

шатнулись. Вот так, наверно, и мы втроем вжимались в глинистую стену пещерки, когда на нас надвигалось жужжание их ангельского локатора...

— Когда?..

— Простите?..

— Когда вы собирались?..

— Сроки так и не были назначены, — торопливо ответил он.

Скажи он мне что-нибудь другое — клянусь, придушил бы обоих голыми руками... Опомнясь, я вернулся к креслу и сел — рука на кнопке.

— Почему?

— Но ведь я уже объяснил вам! Уровень развития вашей техники оказался слишком высок. Мы бы потеряли здесь почти все боевые машины и даже часть космического флота. Это имело бы для нас необратимые последствия. Руководство было раздражено до такой степени, что обвинило наблюдателей в умышленной дезинформации. Все они были отозваны без замены.

Он умолк, ожидая нового вопроса. Но я еще не совсем опомнился. Я сидел оглушенный и видел подкрадывающиеся к Земле армады космических кораблей, ракетные и лазерные установки, бог знает подо что замаскированные «приемники», готовые выплеснуть на нас людей и технику... Вот тебе и ангелы, Гриша! Вот тебе и ангелы!.. Но я-то, я-то, дурак!.. В себя стрелял, коллектор наизнанку выворачивал... Думал бой выиграть. А тут не бой — тут война...

— Как видите, мы уже не угрожаем вашей безопасности, — снова заговорил пожилой. Он смотрел на меня с какой-то странной надеждой. — Попробуйте теперь понять, что от возвращения бежавшего преступника зависит судьба значительной группы лиц...

Я заставил себя очнуться.

— Группа лиц? Какая группа лиц?

— Видите ли, — сказал он, — внутри Дома Стражи имеются две группы лиц, к первой из которых принадлежу я. Полгода назад второй группой лиц был совершен ряд противозаконных действий, направленных против первой...

Я сразу же запутался в этих его группах лиц, и ему пришлось растолковать мне все на пальцах.

— ...для своих целей вторая группа лиц после долгого и тщательного отбора остановилась на некоем преступнике, способном при определенных обстоятельствах...

И тут я наконец понял!

— Подстроили побег?!

— Да, — сказал он. — С целью доказать профессиональную несостоятельность первой группы лиц. Той группы лиц, к которой принадлежу я. Они начали с того, что применили высшую меру исправления к невинному человеку. Я имею в виду женщину, с которой был близок преступник.

— Рыжая?..

И я вдруг увидел Люську. Зеленоглазую язву Люську с потухшим взглядом и неподвижным лицом. Ах, Гришка, Гришка... И ты спорил со мной, ты их выгораживал!..

— Твари! — сказал я, как сплюнул. — Ее-то за что?

— Они имели целью довести преступника до отчаяния. В противном случае он бы просто не решился на побег. Даже при наличии задания.

— Задание? Они дали задание? Гришке?

Я бы все равно не поверил ему, скажи он «да»!

— Видимо, я неточно выразился, — после короткой заминки сказал пожилой. — Задание было внушено гипнотически. Сам преступник был убежден, что действует самостоятельно...

Все сходилось. И то, что Гриша не запутался в этих коридорах, и то, что сам пришел к нужной двери, и кресло, и железяка, и механизм ликвидации...

— ...оказавшись на вашей планете, немедленно уничтожить устройство, — говорил тем временем ангел. — Все его действия в Доме Стражи были якобы случайно зафиксированы и представлены как доказательство нашей преступной небрежности. Что будет с беглецом дальше — их не интересовало, и это была их единственная ошибка. Поймите, это очень расчетливая и ни перед чем не останавливающаяся группа лиц!

Он умолк, и в рубке стало очень тихо. Бесконечно повторяющийся мушиный звон аварийного сигнала, казалось, отсчитывает время. Пожилой ангел смотрел на меня то ли с надеждой, то ли с отчаянием.

— Так... — сипло сказал я. — Понятно... Сожрали вас, короче. Скушал... Ну а теперь-то вы что суетитесь? Поздно уже!

— Нет, — сказал он. — Не поздно. Если бы нам удалось вернуть преступника, разблокировать ему память и доказать, что имело место вадание...

— То тогда бы уже накрылись не вы, а они, — не удержавшись от злобного смешка, закончил я. — Весело... А что это за спектакль вы в прошлый раз устроили у завода? Что за поддавки?

— Простите?..

Я объяснил.

— Видите ли, — сказал он, — дело в том, что в прошлый раз один из экипажа оказался ставленником второй группы лиц. Мало того — он руководил операцией и сделал все, чтобы сорвать ее. Он с умыслом неудачно расставил людей, а в самом крайнем случае — уничтожил бы преступника. Но, видя, что в дело вмешался ваш человек, он как бы выступил на его стороне, обезвреживая своих подчиненных одного за другим...

Я сидел как примороженный. Вот она, та серая спина, покрысиному мелькнувшая на аллее... Значит, он шелкал их с тыла... Все. Последняя подробность встала на свое место. Ангел говорил правду.

Я снял руку с черной кнопки и медленно поднялся из кресла.

— Спички верни.

— Простите?..

— Ну, спички, спички! То, что я вам днем отправил! Такая коробочка с палочками...

Он поспешно сунул левую руку за спину и достал откуда-то мой коробок. Вопросительно поглядел на меня. Я забрал у него спички и осмотрелся. Помигивали огонечки на пультах, блестящая какая-то клавиатура...

— Где выход из корабля?

— Вы уходите? — Ангел обмяк. — Подождите! А как же?.. Интересно, на что он рассчитывал? Что я проникнусь жалостью к группе лиц и отдам им Гришу? Не знаю...

Я взял с пульта свой пистолет. Пыль с него куда-то делась, и теперь он снова был яркий, блестящий, новенький. Я взвесил его в последний раз на руке и бросил обратно. Очень мне не хотелось его оставлять, но должен же я был как-то показать, что ничего нам здесь от них не надо.

— Я прошу вас не уничтожать корабль при старте, — торопливо сказал ангел. — Это наше единственное условие.

Неужели он и вправду поверил, что я представлял государство?

— Уничтожать? — медленно проговорил я. — Да на кой черт вас уничтожать? Сами друг другу глотки поперервете... Где выход из корабля?

Пожилый что-то квакнул по-своему. Ангелочек сорвался с места, стена перед ним раскрылась, и он показал мне, куда идти..

Выходя, я оглянулся. Пожилой ангел с мертвым лицом, сгорбась над пультом, одну за другой нажимал черные кнопки. Давал отмену...

Последнюю дверь ангелочек открыл — вернее, отвалил — вручную. Лицо тронул зябкий ночной ветерок.

Меня уже мутило на этом их корабле. Я хотел побыстрее пройти мимо ангелочка, но взглянул случайно ему в лицо и остановился, пораженный.

Передо мной стоял Гриша Прахов. В его широко раскрытых глазах я увидел удивление и ужас. Мир рушился, понимаете? В их чистенький сволочный рай ворвался грязный оборванный Минька Бударин, и все ангельские планы полетели к чертовой матери!..

Откуда же было ему знать, ангелочку, что ноль без палочки Минька Бударин! Что планы их рухнули не сейчас, а два года назад, когда, не решаясь напасть на Землю, они навсегда отозвали отсюда своих наблюдателей! Что если и приложил Минька Бударин руку к событиям — то не здесь, не на корабле, не с пальцем на черной кнопке, а в цехе, у пресса, на своем, как говорится, рабочем месте...

— Эх ты, чижик... — почти что с жалостью сказал я ему. Он, конечно, не понял. Не полагалось ему понимать...

Я шагнул наружу, и правая — босая — нога ощутила грунт, показавшийся теплым после прохладного пола. Я думал, у них здесь хотя бы трап какой-то будет. А они вон как — на одном уровне с землей...

Лишь бы камушек под босую ногу не подвернулся. Ангелочек наверняка смотрит вслед. Вот и пускай видит, что ухожу я уверенно, не оглядываясь, что плевать я хотел на всю их ангельскую технику!

Отойдя подальше, я все-таки не выдержал и, как бы невзначай повернув голову, скосил глаза. Ну и ничего, понятно, не разглядел. Темнота — и все... Так вот и вышло, что корабль их я видел только изнутри. Даже на что он похож, не знаю...

ГЛАВА 20

Под ногами захлюпало, босая ступня погрузилась в холодную илстую грязь. Значит, озеро где-то рядом... Куда же это они меня высадили?

Я продрался через камыши и, прихрамывая, начал подниматься на пологий пригорок. Сделал шаг — и остановился, облившись холодным потом. На вершине пригорка что-то было. Какое-то сооружение.

Вот ты и попался, Минька! Поверил ангелам, да?.. А им бы только из корабля тебя выставить! Ты им только на корабле был страшен. А вот теперь...

Сжав кулаки, я стремительно шагнул вперед, в темноту...

И смех и грех: на плоской, будто нарочно выровненной площадке, стояли скамейка и бетонная урна. На подгибающихся ногах я подошел к скамейке и сел. Потом обратил внимание, что в кулаке у меня все еще зажат полураздавленный спичечный коробок. Трясущимися пальцами я извлек из пачки сигарету и чиркнул спичкой. Затянулся и, подавившись дымом, жестоко закашлялся. Вот подлость! Швырнул сигарету на землю и чуть не затоптал ее босой ногой. Не могу курить!

Опасная тишина стояла в щелчке щебкарьер. Чем-то она отличалась от обычной тишины.

Внизу коротко прошуршали тростники. Потом еще раз. Похоже, кто-то пробирался к кораблю. Я приподнялся, всматриваясь... Черта лысого в таком освещении разглядишь! Луна наполовину ушла в плотное облако и продолжала погружаться в него все глубже и глубже, будто ее кто нарочно туда запикивал.

Ладно, бог с ним... Лучше сориентируемся для начала... Значит, впереди у меня — ковыльный склон, по которому мы спустились в щелчку щебкарьер, сзади — огни ночного города, ангельский корабль — справа. Пещерка... Я обомлел. Получалось, что между кораблем и нашей пещеркой — каких-нибудь триста метров, не больше. Чуть сами в гости к ангелам не пожаловали...

А ну-ка не торопись, Минька. Посиди, подумай... Мало ли что он тебе там говорил — не всему же верить... Ангелам ты не нужен. Им нужен Гриша. Позарез причем... Так, может, пожилой надеется, что ты сейчас побежишь радостью делиться? Сам возьми и выведешь их на Григория! Тогда уж лучше заночевать здесь, на скамейке.

Я откинулся на спинку скамьи, положил руку на верхний брус, и ладонь в аккурат легла на крупно и глубоко вырезанные буквы: «НАТАША».

Как будто без рукавицы за горячий лист взялся. Да кто здесь в конце концов хозяин: я или они?

Я вскочил, и в этот момент что-то произошло. Звук? Нет, никакого звука не было. А движения я тем более заметить не мог — ночь. И все же что-то случилось. Что-то исчезло. Каким-то образом я почувствовал, что щелчка щебкарьер пуст.

Сначала решил — показалось. Но вот рядом со мной осторожно скрипнул сверчок. Потом другой. А потом вдалеке повисла тоненькая бесконечная трель цикады... Тишина снова становилась тишиной.

Уже точно зная, что произошло, я спустился с пригорка и

двинулся в ту сторону, где стоял корабль. Полчаса, не меньше, я ходил по буграм и ложбинкам, пока не убедился, что никакого корабля здесь нет. Ангелы исчезли беззвучно.

Я шел к пещерке и предвкушал, как я там появлюсь. Представлял Люську с Гришей — сидят, обнявшись, забившись в дальний угол... Вот что-то возникает перед входом... И мой насмешливый голос: «Сидим? Дрожим? А ну выходи по одному...»

Главное — чтобы без шума... Я крадучись подобрался к земляным ступенькам, но тут рядом со мной в темноте шевельнулась какая-то тень, и в следующий миг мне был нанесен страшный удар в лоб — аж перед глазами вывездило! Меня швырнуло спиной и затылком об склон, и я медленно сполз по нему наземь. Сознания, правда, не терял. Нет у меня такой привычки — терять сознание...

— Минька, прости! — полуоглохнув, услышал я над собой отчаянный Гришин вскрик.

Потом рядом возникла Люська, и они вдвоем попробовали поставить меня на ноги. Я отбился от них и поднялся сам, опираясь на склон. Изумляясь боли, осторожно ошупал лоб. Крови нет, кость вроде цела... Кажется, обошлось.

— Минька, прости!.. — обезумев, причитал Гриша. — Я не думал, что это ты... Я думал...

— Ничего-ничего... — оторопело пробормотал я. — Все правильно... Так и надо...

— В пещеру! Быстро! — скомандовала Люська.

Они подхватили меня под руки, но я опять уперся.

— Никаких... пещер... Отставить... пещеры...

Я пытался им объяснить, что все уже обошлось, что бояться нечего, а они, дурачки, думали — сотрясение мозга у Миньки вот он и заговаривается... И только когда я разозлился и начал на них орать, до Люски, а потом и до Гриши дошло наконец, что я всерьез.

Там же, на земляных ступеньках, держась за расшибленную голову, я рассказал им все. Они ни разу не перебили меня. И только когда я замолчал, Люська спросила осторожно:

— Минька... А ты как себя чувствуешь?

Они все еще не верили мне. Я достал смятый коробок, отбитый мною у ангелов, и вместо ответа чиркнул спичкой. Они оба прекрасно знали, что это за коробок. Пока шли от леса до щелчка карьера, я им уже, наверно, плешь проел этим коробком — только о нем и говорил... Теперь они зачарованно смотрели на желтый теплый огонек.

— Они сюда больше не прилетят, — тихо сказал Гриша.

Спичка дрогнула в моих пальцах и погасла.

Темнота сомкнулась, и из нее снова проступили огни нашего города — облачко золотистой пыли, встающее над черным краем старого щелчка карьера...